

Стивен Эридан

БОЕВОЙ
МАГ

Annotation

Магия — могущественнейшая сила во вселенной, но лишь один из десятков тысяч смертных обладает даром черпать из ее Источника.

Безумный король Тэйкон, захвативший несколько королевств на Западе, заполучил в свое войско именно такого чародея — молодого, амбициозного, упивающегося своими возможностями.

Боевой маг способен сжигать в пепел целые города и устраивать песчаные бури. Ему неведомы страх и сомнение. Единственное, что могло бы ввергнуть боевого мага в ужас... Но тссс! Об этом лучше молчать.

Стивен Эриан

Боевой маг

Stephen Aryan
BATTLEMAGE

© Stephen Aryan, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается — по-прежнему — Лиз

С блекло-серого неба опять повалил снег. Зима уже должна была подойти к концу, но под ногами еще хрустел лед, а подмерзшая грязь затвердела, словно камень. Всюду лежал иней, по земле стелился густой туман. В такую погоду только голод или отчаяние могли выгнать человека из дома.

После двух ночей под открытым небом Варгус продрог до костей. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, лишь надеялся, снимая сапоги, что пальцы в них не останутся. Так бывает, он видел. Люди даже не замечали, что почерневшие пальцы отвалились и катаются в обуви, словно бисер.

Варгус вел коня в поводу. В такой туман поездка верхом могла плохо кончиться для обоих.

В сероватом мареве мелькнула оранжевая искра. Как будто костер?.. Варгус взбодрился и на радостях затопал громче, чем следовало. Хотя туман и приглушал шаги, дозорный их слышал. Судя по всему, он уже много часов сидел на месте, не двигаясь: серое покрывало над его головой почти целиком побелело.

Конь путника всхрапнул, учуяв запахи лошадей, людей и вареного мяса. Варгус старался не смотреть на дозорного и длинный лук у него в руках. Не вставая с земли, тот быстрым движением натянул тетиву, но беспокоиться было рано — пока сидишь, из лука не выстрелишь.

— Далековато забрался. — Справа от Варгуса из-за двух голых, как скелеты, деревьев вышел второй дозорный, крепкий мужчина в грязной меховой накидке и плохо пригнанных кожаных доспехах. В руке он сжимал меч, старый и рубцеватый, но острый на вид. — Ты кто таков? Человек короля?

— Еще чего! — фыркнул Варгус.

— Что тебе надо?

Он пожал плечами.

— Место у костра, только и всего.

Похоже, их голоса, несмотря на туман, долетели до лагеря: с той стороны приближались еще двое. От остальных они ничем не отличались — такие же отчаянные люди со злыми глазами и шрамами на лицах.

— Монеты есть? — спросил один из них, лысый бородач в неказистых кожаных доспехах.

Варгус покачал головой.

— С деньгами туго, зато есть это. — Медленно, без резких движений, он снял с седла два бурдюка. — Шазельское рисовое вино.

Первый дозорный подошел ближе. Варгус все еще чувствовал, как в спину целит стрела. Человек обыскал седельные вьюки — деловито, почти по-военному; Впрочем, то и дело бросая на незнакомца тревожный взгляд. Стало быть, дезертир: боится, что придут по его душу.

— Что там у нас, Лин? — крикнул лысый.

— Кой-какая еда. Серебра немного. А так негусто.

— Пусть пройдет.

Лин отступил в сторону.

— Точно, командир?

Остальные смотрели на Варгуса настороженно. И правильно делали, если он угадал, кто перед ним. Командир приблизился и внимательно оглядел пришлеца. Варгус знал, кого тот видит перед собой: вояку лет за пятьдесят, потрепанного в боях, с крупными рябыми руками, щетиной на лице и черным ежиком волос, густо разбавленных сединой.

— Хлопот от тебя не будет? — кивнул лысый на меч-бастард, торчащий за правым плечом Варгуса.

— Я не ищу неприятностей. Мне бы только у костра посидеть. Вином поделюсь.

— Хорошо. Меня зовут Корр. Это мои люди.

— А я — Варгус.

Остальные наконец-то убрали руки с оружия. Корр поманил Варгуса за собой.

— Что, холодно?

— Помню одну такую зиму, лет двадцать назад, на севере. Хотя место позабыл.

— Много путешествовал?

— Даже слишком, — фыркнул Варгус. — Где я только не был.

— А где твой дом? — поинтересовался Корр. Его небрежный тон не обманул Варгуса — это был настоящий допрос.

— Сейчас — здесь.

Они миновали ряд деревьев, где топтались на привязи семь коней. Варгус оставил там своего и вошел в лагерь, укрытый с трех сторон лесом и выходящий к широкой пещере. Посреди лагеря с ревом и треском полыхал огромный костер, возле которого двое товарищей Корра готовили пищу. Один бросал в котел с кипящей водой куски зайчатины, другой подкатывал поближе к огню почерневший картофель. У каждого было оружие, на вид — не новое.

Когда Варгус подошел к костру, с другого края поднялся верзила, завернутый в медвежью шкуру. Он был шести с половиной футов ростом и в два раза шире обычного мужчины. На безобразном лице под выпуклым лбом виднелись маленькие черно-бурые глазки, из выпирающей нижней челюсти торчали неровные зубы.

— Спокойно, Рэк, — сказал Корр, и верзила, к облегчению Варгуса, передумал браться за меч. — Он принес нам выпивку.

Губы Рэка разошлись в стороны, обнажив ряд кривых желтых зубов. Варгус не сразу понял, что это улыбка. Его рука потянулась к кинжалу на поясе, и отвел он ее не раньше, чем верзила сел на место.

Варгус устроился возле Корра, поближе к огню. Некоторое время оба молчали. Варгуса это устраивало. Закрыв глаза, он вбирал в себя жар костра и шевелил пальцами в сапогах. Оттаявшая кожа начала покалывать.

— Путешествовать одному опасно, — с притворным дружелюбием заметил Корр.

— Верно. Но я могу за себя постоять.

— Куда держишь путь?

Варгус ответил не сразу.

— Куда-нибудь, где буду сыт и при деньгах. Времена нынче тяжелые, а у меня, кроме той поклажи, ни гроша за душой.

Поклажа вспомнилась кстати — он открыл первый бурдюк и хлебнул. Рисовое вино приятно обожгло горло. Миг спустя теплота разлилась по всему телу.

Корр взял у него бурдюк, однако пить не стал, а передал дальше по кругу.

— Рэк! Тебе в дозор пора, — напомнил Лин.

Верзила будто и не услышал. Он следил за тем, как винный мех переходит из рук в руки, дождался своей очереди, сделал долгий глоток, потом еще один и лишь после этого скрылся за деревьями. Вернулся лучник, и его место на страже занял кто-то другой. Два дозорных на семь человек, да еще в такую погоду, — значит, дело нечисто. Отряд не просто осторожничал. Они чего-то боялись.

— Служил в королевской армии? — спросил Лин.

Варгус посмотрел на него и отвел глаза.

— Может быть.

— Ты же поэтому всюду бывал? Мотался с места на место. Сражение за сражением, чтоб им провалиться. Палатка да костер — вот и весь твой дом. Новое небо, новый враг...

— Я гляжу, ты хорошо знаешь солдатскую жизнь. Служишь королю?

— Уже нет, — ответил Лин. В его голосе послышалась горечь.

Первый бурдюк быстро опустел. Варгус откупорил второй — и опять к вину приложились все, кроме Корра.

— Кишки пошаливают, — ответил он на вопросительный взгляд гостя. — С одной капли пронести может.

— И хорошо, нам же больше достанется, — щербато улыбнулся один из его товарищей.

Когда похлебка уварилась, в котел побросали куски печеной картошки. Первые две миски отнесли дозорным. Варгусу досталась последняя, самая маленькая, но он не жаловался. В миске плавала пара картофелин и даже нашелся кусочек мяса. Не считая одной-двух головок дикого лука и чеснока, варево было пресное, зато сытное и горячее. Еда, костер и вино помогли сохранить тепло. Пальцы ног тоже начало пощипывать. Значит, все-таки не отвالتها.

Когда все миски были дочиста вытерты корками хлеба и второй бурдюк опустел, в лагере воцарилась уютная тишина. Жалко было ее нарушать.

— Так что вы здесь делаете? — спросил Варгус.

— Странствуем. Ищем работу, как и ты, — ответил Корр.

— Из соседних деревень что-нибудь слышно?

Один из компании шевельнулся, будто хотел сесть поудобнее, но Варгус заметил, что его рука потянулась к топору. Их страх был осязаем. Корр мотнул головой.

— Мы сами по себе. Ни в какие деревни не заходили.

Даже слепой и глухой понял бы, что это ложь.

— Я слышал, в округе завелся отряд разбойников. Сперва воровали по мелочи и устраивали драки, а потом увидели золото и страх потеряли. — Варгус печально покачал головой. — Один на прошлой неделе совсем распоясался — убил трактирщика и еще трех человек.

— Я не знал, — сказал Корр. Он покрылся испариной, и вовсе не из-за жаркого костра. Человек напротив него пихнул локтем задремавшего соседа. Тот со всхрапом очнулся. Остальные держали мокрые от пота руки на оружии и ждали сигнала.

— Жена трактирщика не отдала ему деньги, и он до полусмерти ее избил.

— Тебе-то что до них? — спросил кто-то.

Варгус пожал плечами.

— Ничего. Просто у нее двое детей. Они видели, кто это сделал. И рассказали старейшине.

— До города далеко, — отрезал Лин. — Людей короля по таким пустякам сюда не отправят. Они в этих краях бывают только дважды в год, когда собирают подати.

— Почему же вы так смотрите, будто сейчас обделаетесь?

Тишина перестала быть уютной. Ее нарушал только один звук — это Варгус скреб заросшую щеку.

— Король пошлет за нами людей? — спросил Корр, отбросив притворство.

— Вам бы не о короле беспокоиться. Я слышал, старейшины устроили сход — решали, что с вами делать. И наняли Гэта.

— Твою мать!

— Нет никакого Гэта! Это все выдумки!

— Пресветлый Владыка, укрой меня, — забормотал кто-то молитву. — Пресветлая Владычица, защити меня...

— Бабушкины сказки, — процедил Лин сквозь зубы. — Папаша рассказывал мне про Гэта, когда я мальцом был, лет тридцать назад.

— Что ж, тогда вам бояться нечего, — усмехнулся Варгус.

Однако видно было, что они боятся — и сейчас даже больше, чем до его прихода. Их вера в Гэта была осязаема. С минуту Варгус молчал, остальные сидели задумавшись. Страх смерти сковал их железными кандалами.

Тишина укутала лагерь, как свежий снег. Варгус еще помедлил, наслаждаясь последними спокойными мгновениями.

Один из людей потянулся к меху, но вспомнил, что вина не осталось.

— Что будем делать, Корр?

— Заткнись, я думаю.

Однако придумать он ничего не успел — Варгус воткнул ему под ребро кинжал. Остальные даже не сразу поняли, что случилось. Только когда из груди вожака брызнула кровь, люди начали действовать.

Варгус поднялся и вытянул из-за плеча длинный меч. Остальные пытались встать, но это не удалось никому. Один разбойник упал на спину, другой запутался в собственных ногах и рухнул лицом вперед. Лин кое-как выпрямился, но тут же зашатался, как пьяный.

Варгус пинком оттолкнул его, взял меч в обе руки и вонзил клинок в затылок первому из упавших. Тот не успел даже крикнуть. Лучник потянулся за мечом, но руки его не слушались. Он поднял глаза, и по его штанам растеклось темное пятно. Варгус рассек ему горло, повернулся к Лину и на два фута вогнал тому меч в живот. Лин упал, вереща, как забитая свинья. Теперь дозорные их точно слышали.

Второй из тех, кто готовил похлебку, замахнулся, однако топор метнуть не успел — Варгус отсек разбойнику правую руку. Тот завыл от боли и упал на спину. Брызнула теплая кровь, Варгус с ухмылкой утер лицо, любовался на корчи раненого, а затем мечом пригвоздил его голову к земле. Снег вокруг трупа покраснел, изошел паром и начал таять.

Спотыкаясь и держа непослушной рукой кинжал, в лагерь ввалился дозорный с сальными волосами. Он несколько раз шагнул в одну сторону, затем в другую; дрем-трава, которую Варгус добавил в вино, не подвела. Дозорный прошел мимо, запнулся о свои ноги и упал лицом в костер. Заорать он сумел, но ни встать, ни откатиться сил не хватило. Крик перешел в бульканье и скоро затих. Костер затрещал от жира, черный дым повалил столбом. Запах напомнил Варгусу жареную свинину.

Как он и думал, зелье проняло Рэка хуже, чем остальных. Дрем-трава все же

действовала на его огромную тушу, но медленно. Хорошо еще, что Рэк, прежде чем выйти в дозор, приложился к бурдюку от души. Хотя верзила вошел в лагерь прямым шагом, взгляд его был рассеян. В руке он сжимал щербатый меч без малого в человеческий рост.

Не дожидаясь, пока враг нападет, Варгус ринулся в бой. Он с криком поднял над головой клинок, но в последний миг припал на колени и пустил его по нисходящей дуге. Севелдромская сталь рассекла здоровяку левую ляжку, однако довершить удар Варгус не успел: Рэк отступил, издал яростный вопль и тяжелым сапогом пнул противника по ноге. Тот, выронив оружие, упал в снег и на четвереньках пополз к мечу. Над ухом просвистела сталь, и он, нащупав в последний миг рукоять, едва успел откатиться в сторону. Удар пришелся туда, где секунду назад была его голова. Варгус встал, держа меч обеими руками, и с трудом отразил еще один смертельный удар. Ответить не успел — Рэк заехал ему кулаком по лицу. Отхаркивая кровь, Варгус бешено вращал клинком, чтобы удержать противника на расстоянии. Рэк наседал. В глубине души он знал, что обречен — все его товарищи были мертвы, а тело с каждой минутой слушалось все хуже. Варгус нырнул и отвел еще один выпад. Теперь ему было где развернуться. Рэк неуклюже ударил, и он, быстро взмахнув рукой, оставил на груди верзилы глубокий порез. И все же враг не сдавался. Только после дюжины ран Рэк наконец заметил, что кровь на снегу — его собственная.

Рыча от боли, он споткнулся и припал на колено. Тяжелое дыхание громко отдавалось в застывшем воздухе. Казалось, на несколько миль вокруг только оно и нарушало тишину.

— Прав был Корр... — голос Рэка оказался на удивление мягким. — Он говорил, ты придешь за нами.

Варгус кивнул и, решив больше не испытывать судьбу, ринулся вперед. Рэк хотел отразить удар, но его недюжинные силы иссякли. Бой был окончен. Рэк не просил пощады и не получил ее. Взяв меч обеими руками, Варгус глубоко вонзил его в глотку врагу, затем вытащил и отступил перед алым фонтаном. Здоровяк повалился замертво.

Лин лежал у костра, тяжело дышал и харкал кровью. С такой раной он еще несколько дней промучается, пока не сдохнет. На то и был расчет.

Не обращая внимания на его мольбы, Варгус вынес из пещеры кошель с золотом и награбленные товары. Небогато; впрочем, в деревне и это — деньги. Он связал поводья коней и даже собрал оружие, завернув его в старое одеяло. Трупы оставил падальщикам.

Похлебки было жалко, но Варгус все равно сунул в рот два пальца и блевал, пока желудок не опустел. bezoar обтер чистым снегом и спрятал в седельный выюк; камень вобрал в себя яд из вина и слегка потемнел.

Губа наконец перестала кровить, но когда Варгус сплюнул, вместе с кровью на снег упал кусок зуба. Варгус пошарил во рту языком. Верхний клык сломался пополам.

— Чтоб тебя...

Он забросал костер снегом. Труп с обугленной головой остался лежать среди мокрых поленьев и пепла. Готовый стол для любителей мертвечины.

— Убей меня! — взмолился Лин. — Почему я еще жив? — Тяжело дыша, он харкнул на снег кровью.

— Потому что ты не просто убийца, Торлин Ке Тарро. Ты служил королю, а потом устал от войны и вернулся домой. В этом нет ничего плохого, многие дезертируют и выбирают другой путь. Однако ты встал на сторону тех, за кем когда-то охотился. — Варгус сел на корточки рядом с умирающим, пригвоздив его взглядом.

— Как ты узнал? — От удивления Лин позабыл про боль. — Я даже Корру не сказал, что

меня зовут Тарро.

Варгус оставил вопрос без ответа.

— Ты знаешь окрестные земли, деревни, города. И закон. Умеешь пакостить, не привлекая внимания людей короля. Ты убивал и обкрадывал собственный народ.

— Это не мой народ.

Варгус хлопнул в ладоши и встал.

— Поздно спорить. Моли своих предков, чтобы они сжалились над тобой на Долгой дороге в Нор.

— Предков? Что еще за дорога?

Варгус презрительно сплюнул в снег.

— Тогда молись своему фонарщику и его шлюхе, или кому ты там молишься. Следующий, с кем тебе доведется поговорить, будет ждать тебя по другую сторону Завесы.

Не обращая внимания на крики, Варгус повел коней прочь от лагеря. Скоро стужа опять сковала пальцы. Схватка его взбодрила — вот только надолго ли... Память о Гэте умирала, а значит, нужно готовиться к переменам. Он слишком долго оттягивал неизбежное.

* * *

За прилавком трактира «Утка и корона» стояла Карла, старейшина деревушки. Эта крепкая женщина видела по меньшей мере полсотни зим и не терпела глупостей ни от кого, будь ты хоть король, хоть пастух. Ее лицо могла полюбить разве что родная мать — тем удивительнее было, что Карла родила четверых здоровых детей, которые к этому времени уже и своих завели. Она не только подняла на ноги большую семью, но и верховодила целой деревней, под ее началом процветавшей последние двадцать лет.

Варгус опустился на стул, и Карла без лишних слов поставила перед ним кружку эля. Трактир пустовал, и не мудрено. В такие времена люди проводят больше времени с семьей.

— Дело сделано?

Варгус в несколько глотков осушил кружку, затем кивнул. Он бросил на прилавок кошель с золотыми монетами и не обиделся, когда Карла взялась их пересчитывать. Разбойники могли потратить часть добычи, а сколько было украдено, он не знал. Закончив счет, Карла спрятала кошель, подлила гостю эля и, подумав, плеснула себе. Вдвоем они в уютной тишине потягивали пиво, пока кружки не опустели.

— Как остальные? — спросил Варгус.

— Еще не пришли в себя. Убийства из гнева или от жадности мы и раньше видели, но такое... Мальчишка переживет, он еще мал, а вот девочка... С ней это на всю жизнь останется.

— А их мать?

Карла фыркнула.

— Жива. Не знаю, к добру или к худу. Вот поднимется на ноги и начнет тут хозяйничать с братцем. Ничего с ней не сделается.

— Я забрал оружие и привел коней. Присмотришь, чтобы ей деньги достались?

— Присмотрю. И заставлю Тибса заплатить за скотину честную цену.

Повисла необычная тишина, от которой у Варгуса вздыбились волосы на затылке.

— Слышал новости? — как-то странно спросила Карла.

— Кое-что слышал, — осторожно ответил он. Где-то там, в темноте, ждала западня. Прямо у него на пути.

— Что, например?

— Крестьянин по дороге сюда сказал, что король созывает всех, кто может держать оружие. Сказал, что в Севелдроме идет война, но за что воюют — этого он не знал.

— Тэйкон, сын короля Раэзы, повязал запад.

Варгус поднял бровь.

— Как ему это удалось?

— Религия помогла. Сам знаешь, до чего набожны зекорранцы и моррины. Пошли слухи, будто наш король помочился на идола Пресветлого Владыки и подтер зад ликом Всеблагой Матери.

— Вранье...

Карла фыркнула.

— Конечно, вранье. Еще врут, будто он перебил священников и сжег храмы. Кому-то неймется начать войну, вот что я думаю. Хороший повод избавиться от нас, язычников. — Она ткнула пальцем в статуэтку Создателя на полке за спиной.

В Севелдроме почти все молились Создателю, но тех, кто верил в других богов, не убивали и не сторонились. Религия и закон были здесь разделены. Моррины и зекорранцы жили иначе.

— Ну, а остальные? На западе ведь не все помешаны на религии, да и воргами особо не покомандуешь.

Карла пожала плечами.

— Говорят, что в Шаэль пришла беда. Тэйкон устроил там резню. Трупы громоздились выше деревьев, города ровняли с землей — а все потому, что их жители не хотели воевать. Видно, после такого урока другие оказались сговорчивей.

— Что случилось с королем Раэзой? Он умер?

— Похоже на то. Ходят слухи, что Тэйкон убил отца, захватил зекорранский престол и завел себе колдуна, которого все зовут Чернокнижником. Чего только о нем не слышно, — сказала Карла, протирая тряпкой и без того чистую стойку. — Говорят, он умеет призывать существ с той стороны Завесы.

— Вот уж не думал, что ты веришь слухам, — усмехнулся Варгус.

Карла обожгла его взглядом, от которого иной мужчина напустил бы в штаны. Затем покачала головой, и на секунду ее лицо озарила улыбка.

— Не верю, зато умею слушать и отличаю золото от дерьма. Что бы ни говорили о Чернокнижнике и об альянсе на западе, одно я знаю точно: жди неприятностей. И немало.

— Значит, война...

Карла кивнула.

— Может, они и впрямь считают нашего короля еретиком, а может, им, как воргам, просто нравится убивать. Все уверены, что к весне армия Тэйкона будет здесь. Торговые дороги на запад уже несколько дней как подсохли. Купцов, которые пытаются проскользнуть за кордоны, ловят и вешают. Жадные дураки. Деревья вдоль обоих ущелий чуть не ломаются под их тяжестью. Вороны и сороки разжирели на трупах, как фазаны перед днем летнего солнцестояния.

— Что собираешься делать?

Карла надула щеки.

— Как всегда, смотреть за деревней. Сражаться, если дойдет война. Хотя долго мы не выстоим. Ну, а ты? Ты-то, наверное, пойдешь воевать?

И опять этот странный тон... Варгус кивнул, не доверяя голосу. Одно неверное слово, и он провалится в темноту.

— Здесь тебя любят. И не только за то, что ты умеешь приструнить разбойников, — сказала Карла, надраивая одно и то же место на стойке. — Сам знаешь, я потеряла Джинтора пять зим назад. Чахотка его забрала. В доме тихо, особенно теперь, когда дети выросли. Я скоро в четвертый раз стану бабушкой, но впереди еще много дел. Надо присматривать за деревней, помогать другим старейшинам. Работы хватит на двоих.

Никогда за долгие годы знакомства Варгус не слышал, чтобы Карла столько говорила о своих заботах. Лицо у нее и впрямь было уставшее.

Он сжал ее неумную руку, загрубелую от каждодневного труда, но все такую же теплую и полную жизни. Впервые с тех пор, как Варгус прибыл в деревню, Карла встретила его взгляд. В ее пронзительных голубых глазах читался вопрос.

— Я не могу, — мягко сказал Варгус. — Это не для меня.

Карла выдернула руку, и он первый отвернулся, щадя то ли ее, то ли себя самого.

— Что там с легендой о Гэте?

Варгус отмахнулся.

— Отмирает, и я вместе с ней. В Гэта мало кто верит, а бояться и того меньше. Я сам виноват. Слишком долго не давал себе воли. В лучшем случае продержусь еще год-другой. Мне одна дорога — на войну.

В деревне только Карла знала, кто такой Варгус и на что он способен. Она не утверждала, что все понимает, зато умела слушать и верить. Было бы нехорошо скрывать от нее правду. Варгус ждал дальнейших расспросов, но их почему-то не последовало.

— Значит, пойдешь воевать?

— Пойду. Отправлюсь в Чарас, чтобы сражаться и убивать. За короля, за страну и за всех, кто не может себя защитить. Поклянусь железом в своей крови и буду биться до конца, каким бы он ни был.

Карла, помолчав с минуту, качнула головой. На лице ее как будто блеснула слеза — или ему померещилось?..

— Если бы кто другой такое сказал, я бы ответила, что он круглый дурак. Но для тебя это не просто слова?

— Нет. Такова моя клятва. Ее не нарушишь. Если я здесь останусь, то умру через несколько лет. На войне у меня хотя бы будет надежда.

Карла достала из-под прилавка пыльную бутылку из красного стекла, наполовину пустую, и щедро плеснула в два стакана густую синюю жидкость.

— Тогда удачи тебе, — сказала она, поднимая стакан.

— За удачу я выпью. Надеюсь, мне будут рады, если я когда-нибудь вернусь.

— Не сомневайся.

Они свели стаканы и осушили их одним глотком. Напиток обжег горло и разлился по телу приятным огнем. Старые друзья поговорили еще немного, однако все самое важное уже было сказано. Варгус сделал свой выбор. Утром он оставит деревню, которая была ему домом последние сорок лет, и пойдет на войну.

Приятно оказаться дома и вдохнуть знакомый воздух, влажный и свежий! Балфрусс видел за городскими валами бескрайние поля — зеленые, желтые, бурые, со всех сторон обрамленные каменными стенами. Какие только краски здесь не играли! И надо же было столько лет провести за границей, чтобы это понять...

Далеко на востоке смена сезонов почти не влияла на погоду. Ветер становился чуть холоднее, солнце грело чуть сильнее, но земля не меняла цвет, как здесь, в Севелдроме. Вдали от родины Балфрусс перестал считать время в днях и неделях. Что толку, если ты не спешишь домой, в лоно семьи, в объятия любящей супруги?.. Пока мысли не приняли более мрачное направление, он сосредоточил взгляд на городе.

С вершины дворца, откуда Балфрусс озираал окрестности, Чарас был виден как на ладони. Столицу Севелдрома ограждали зубчатые стены высотой в сотню футов. В самом сердце города стояли древние, осененные вековой историей здания, над которыми возвышался Собор Великого Создателя. Хотя громадный шпиль чуть накренился, а железная крыша местами позеленела от патины, собор по-прежнему смотрелся величественно. Витражи в окнах, изображавшие картины былых времен — королей, королев и воинов, — сверкали на солнце мириадами ярких оттенков.

Несмотря на размеры собора, на его фоне не терялись ни купол Храма Всеблагой Матери, ни сверкающий шпиль Церкви Святого Света. Оба они спорили за внимание в Новом городе, построенном пять веков назад. Тот лучами расходился от Старого, и населяло его втрое больше людей. Наружная стена, высотой не уступавшая внутренней, защищала жителей от разгула стихий и прочих угроз, хотя город уже много столетий не знал осады.

С высоты перед Балфруссом открывалось богатство красок: пестрели вывески лавочников, полосатые навесы рыночных торговцев, клумбы в Мемориальном парке королевы. Во многих домах Старого города окна верхних этажей были украшены цветными стеклами — пережиток тех дней, когда все его жители возносили хвалу Создателю. В Новом городе мода не прижилась, хотя более поздние храмы с переменным успехом пытались копировать эти витражи.

В сравнении с другими городами, где Балфруссу доводилось бывать, архитектура Чараса была незамысловата, однако в однообразии невысоких зданий Старого города ощущалась своя красота. Их прямые линии, голубые шиферные крыши и немногочисленные скромные украшения говорили о силе и надежности — качествах, которые обычно приписывали жителям Севелдрома. Балфрусса возмущало, когда другие презрительно называли его народ тупыми скотоводами.

Трудно было поверить, что он провел вдали от дома пять лет. Сейчас из зеркала на него посмотрел бы человек гораздо старше своих тридцати семи. Волосы уже тронула седина, а под глазами не сходили лиловые тени, будто он с ними родился. Не обошла Балфрусса и другая напасть: ветер в последнее время стал сильнее холодить затылок. Что ж, благодаря бороде хотя бы шея оставалась в тепле.

— Рад вернуться домой, Лэн? — спросил Вэннок Лор, поднимаясь по лестнице.

Вэннок остался таким же, как прежде: здоровяк в литых кожаных доспехах и с мечом на боку.

Они росли вместе и не держали друг от друга секретов. Никто, кроме Вэннока, не звал

Балфрусса именем, которое он получил при рождении и носил до одиннадцатых именин. Этот обычай родился в то время, когда из десяти детей шестеро умирали от красной сыпи, не дожив до десяти лет. За последние четыре века такое не случалось ни разу, но традиция сохранилась.

Несмотря на годы разлуки, когда Балфрусс учился в Красной башне, приятели по-прежнему читали друг друга, как раскрытую книгу.

— Никогда не думал, что скажу это, Вэнн, но да, я рад. — Балфрусс втянул носом воздух. — Чувствуешь, какой аромат? Пахнет зелению.

Вэннок принялся.

— На востоке пахло иначе?

— В пустыне воздух сухой, пряный и горячий. И деревья там растут совсем не такие, — сказал он, махнув рукой вниз. — Я скучал по этим краскам и, прости Создатель, по холоду. А еще по дождю и по ветру.

— И не было искушения задержаться? — рассмеялся Вэннок.

— Нет. Восток не стал мне домом.

— Значит, теперь ты тут приживешься?

Балфрусс с улыбкой посмотрел на друга.

— Спроси, когда дело будет сделано.

— Кстати, нам пора. Скоро приедет король — поприветствовать тебя и остальных.

Балфрусс последовал за другом по истертым ступеням и широким коридорам, которые вели в тронный зал.

— Остальные давно здесь?

— Трое — местные, из Севелдрома, — бросил Вэннок через плечо, — но кое-кто прибыл только вчера. Некоторые пришли на помощь издалека.

— Сколько всего человек?

— Восемь, включая тебя.

От потрясения Балфрусс споткнулся, и друг поймал его за локоть.

— Восемь? Восемь боевых магов?!

— Подожди, еще не то увидишь, — в свою очередь улыбнулся Вэннок.

Это теперь боевые маги стали редки, а когда-то встречались часто. Ловчие прочесывали города и деревни в поисках детей, которые родились со способностями, но это было еще до того, как Серый Совет покинул Красную башню. С тех пор минуло пятнадцать лет. В Башню еще принимали тех, кто сам туда приходил, однако таких было мало, а горстка пожилых наставников-добровольцев год за годом редела. Когда стало ясно, что Серый Совет не вернется, преподаватели разбрелись кто куда. С тех пор новичков в Башне обучали только самому необходимому — лишь бы не убили себя и окружающих, — а после сразу отправляли домой.

Когда Балфрусс и Вэннок вошли в тронный зал, остальные маги уже дожидались короля. Балфрусс тут же узнал двоих, и в груди опять защемило от боли. Те, увидев его, тепло улыбнулись и подошли ближе. Оба носили просторные желтые мантии, но на этом сходство между ними заканчивалось. У Дариуса была темная кожа, поджарая фигура, черные волосы и глаза. Его жена Элоиза, бледная и белокурая, казалась его полной противоположностью. Супругов объединяло одно: знак Эйилаха, красная линия, пересекающая лицо сверху донизу через правый глаз. В королевствах Пустыни татуировка отмечала тех, кто владеет магией.

— Что вы тут делаете? Мы всего несколько недель как расстались! — воскликнул

Балфрусс.

— С моей женой бесполезно спорить. — Дариус в знак приветствия стиснул обе его ладони. Балфрусс хотел обнять друга, но вспомнил, что тот не привык проявлять чувства на людях. — Она рассказала мне о последних событиях. После всего, что ты сделал для моей страны, как я мог не прийти?

Балфрусс протянул руку Элоизе; женщина тоже обняла его и расцеловала.

— Не смотри так, Дариус, — бросила она через плечо. — У меня на родине не принято скрывать добрые чувства.

Вэннок откашлялся, и Балфрусс понял намек.

— Извини, Вэнн. Позволь тебя представить...

— С этим придется подождать.

В тронный зал вошел король Маттиас в сопровождении генералов.

Балфрусс видел монарха первый раз в жизни, но сразу понял, почему его прозвали Седым Медведем. Голову и голые руки правителя будто припорошило пеплом. В свои шестьдесят пять король сохранил отменную форму. По одну сторону от него выстроились повзрослевшие дети: два дюжих бородача и дочь, стройная и изящная. По другую стояли два седых воина — наверняка генералы. Одноглазый — это, должно быть, Граэгор, свирепый сукин сын, которого за спиной все звали Поганцем. К изумлению Балфрусса, Вэннок присоединился к генералам, и те приветствовали его как равного. Похоже, кое-что за пять лет все-таки изменилось.

Король поднялся на трон, хотя явно не любил смотреть на людей свысока. Трон был простой, деревянный, с лакированной золотой короной, нарисованной на подголовнике. Как и прочая мебель в зале, он отражал взгляды монарха на то, какое убранство подобает его положению. Понимая, что совсем без роскоши не обойтись, король Маттиас все же предпочитал тратить деньги на подданных, а не на крикливые украшения и церемонии. Для скромности была и другая причина: память о королеве. Со дня ее смерти прошло уже двадцать лет.

Балфрусс подошел к скамье, на которой сидели другие маги, и те потеснились, освобождая для него место.

— Благодарю всех за то, что пришли, — заговорил король. — Доброта моих восточных друзей приятно меня удивила. — Он жестом подозвал Дариуса и Элоизу. Те вышли вперед и склонились перед троном.

Пока Маттиас рассыпался в благодарностях королю Узермезесу IV, Балфрусс бегло окинул взглядом своих соседей.

Златокожий маг, должно быть, прибыл из юго-западного королевства Шаэль, завоеванного недавно Безумным королем. Судя по изможденному лицу и пыльным лохмотьям, путешествие едва беднягу не прикончило. Даже сидя на скамье, шаэлец тяжело опирался на длинный посох. Его шею и нижнюю половину лица скрывал линялый платок, а на бритой голове виднелись свежие синяки, шрамы и струпья. Словно почувствовав на себе взгляд, маг поднял на Балфрусса спокойные фиолетовые глаза и поклонился в ответ на его улыбку.

Остальные являли собой не менее странное зрелище. Двое магов были одеты в пестрые, будто шутовские наряды, а третий, широкоплечий, уместнее смотрелся бы в кузне. Этот вел себя беспокойно — то и дело ерзал и сжимал кулаки.

На дальнем краю скамьи сидел черный как смоль человечек, маленький и

широколицый. Наверняка маг из Первых людей — племен, населявших побережье к северу от Севелдрома.

Приветственная речь короля подошла к концу, и длина ее, судя по широкой улыбке Дариуса, наилучшим образом отвечала обычаям Пустыни. Представившись, друзья Балфрусса заняли места на скамье. Лик правителя помрачнел.

— Король Зекоррии мертв, — сказал он. — Его сын Тэйкон занял трон и обманным путем навлек войну на Севелдром. Он обвинил меня в чудовищных злодеяниях против религии и под этим предлогом заключил союз с Морриноу, а потом уговорами и силой заставил другие народы запада поддерживать альянс. К нашим границам направляется армия, какой мы не видели прежде. Разведчики говорят, что с войсками идет могущественный боевой маг, известный как Чернокнижник, а с ним — несколько его учеников. Вот почему я обратился к вашей помощи. Мы скоро продолжим разговор, но прежде я прошу вас назвать себя.

Два пестро одетых мага выступили вперед. Балфрусс заметил, что оба сильно потели, хотя в зале царила прохлада. Необычно было и то, что они подошли к трону без приглашения. Два стражника вытащили мечи и шагнули навстречу, но король жестом отозвал их.

— Честь имею приветствовать Ваше Величество, — вычурно поклонился один из магов. — Я Великий Сэмкин. Нижайше благодарю за встречу и надеюсь сослужить хорошую службу.

Король поджал губы и едва заметно поднял бровь. Балфрусс прыснул со смеху, но под страшным взглядом Вэннока сделал вид, что закашлялся. Дариус помрачнел. Судя по виду, только строгий обычай удерживал его от вмешательства.

После долгой паузы король спросил:

— Сколько же лет вы провели в Красной башне?

— Семь.

— И чему научились?

— Я способен повелевать грозами, разрушать камни, призывать огонь и видеть будущее, — сказал тот из них, чья мантия была расшита солнечными и лунными символами.

— Я способен разговаривать со зверями, — выпалил другой.

Балфрусс больше не мог сдерживать смех. Другие маги тоже улыбались — все, кроме Дариуса и кузнеца.

— Может быть, покажете свое мастерство? — предложил король.

— Я очень устал с дороги, — посетовал Сэмкин, будто не слыша подхваченный эхом смех. — Но скоро силы вернутся ко мне.

Он шагнул назад, и все взгляды обратились на Балфрусса. Тот, переборов смех, наконец-то взял себя в руки.

— Прощу прощения, Ваше Величество, — сказал он с низким поклоном. — Эти двое — шарлатаны. У них наверняка заготовлены какие-то фокусы, чтобы вас провести, но прикоснуться к Источнику они не в состоянии.

— Вы можете это определить с одного взгляда?

— Да, Ваше Величество. Я чувствую родство со своими братьями. — Балфрусс обвел рукой магов позади себя. — Источник пульсирует. Мы слышим между собой его эхо.

— Он лжет, — воскликнул один из шутов, но из-за дрожи в голосе бравада прозвучала неубедительно.

— Тогда покажите свое искусство, — ответил Балфрусс. Дождавшись знака от короля,

он шагнул вперед и встал напротив двоих. Те вдруг побелели как мел. — Как вы наверняка знаете, один из первых уроков — это физическая демонстрация вашей воли. Объедините силы и толкните меня через зал.

— Мы не хотим навредить вам.

Балфрусс показал зубы.

— А вы попробуйте.

Оба человека принялись делать пасы руками. Первый скоро добавил к этому странные восклицания, другой забормотал нараспев что-то бессвязное. Однако ничего не произошло.

— Это все?

Двое переглянулись и кивнули. Балфрусс хлопнул в ладоши, и оба шарлатана, оторвавшись от земли, с размаху впечатались в стену. У них перехватило дыхание, мантии плотно прильнули к телу. Балфрусс приблизился.

— Я способен повелевать грозами, призывать огонь и разрушать камни, — прорычал он. — Однако звери не могут сказать ничего интересного, а будущее не предначертано, и его не видит никто. Опасно играть с тем, чего вы не понимаете.

— Довольно, — сказал король, подойдя к нему. — Отпустите их.

Балфрусс освободил пленников, и те рухнули на пол, как мешки с тряпьем. Один был готов разрыдаться, второй боялся поднять глаза.

— Как вас зовут? — спросил Маттиас.

— Сэм.

— Паэдр.

— Откуда вы?

— С запада, сир, с самой границы. У нашей деревушки и имени-то нет. — Их речь внезапно растеряла всю пышность. — Там уж никого не осталось, все похватали пожитки и ушли на восток.

— Мы знали, что скоро будет война, — добавил Паэдр, — и искали работу. Огорчать никого не хотели. Думали, притворимся магами, так нас хоть накормят. Две недели шли без еды.

— Не хотелось с голоду помереть, — сказал Сэм, мельком взглянув на короля. — Простите, что обманули вас, сир.

— Чем же вы занимались прежде? — спросил король.

— Работали в поле у одного фермера... Зато Паэдр умеет считать! К нему вся деревня ходила, когда взимали подати. У нас мало кто цифры знал.

Король жестом подозвал свою дочь.

— Думаю, Джонкравишу они пригодятся, — сказала Таландра.

Балфрусс никогда раньше не встречал принцессу. Ростом и статью она была вся в мать, тогда как ее братья, большие и широкоплечие, пошли в отца. Принцесса заплетала длинные русые волосы в косу; братья свои черные космы коротко стригли. Несмотря на странный наряд — штаны и длинную рубаху, которая скрадывала изгибы девичьей фигуры, — Таландру невозможно было спутать с мужчиной.

— Джонкравиш? Кто это? — спросил Сэм.

— Наш интендант. — Принцесса махнула рукой, и из тени в дальнем конце зала вышла фигура. — Вот и он.

Как у всякого моррина, у интенданта было слегка клиновидное лицо, заостренные уши, желтые глаза и рога. Под его пристальным взглядом шарлатанам явно стало не по себе.

— Он даст вам кров, еду и работу.

— Нас не высекут? И не убьют? — спросил Сэм.

Таландра снисходительно улыбнулась.

— Нет, но труд будет не из легких. Джонкравишу трудно угодить.

— Мы справимся, — сказал Паэдр, на секунду опередив Сэма.

Когда двое повернулись к выходу, Балфрусс подошел к ним.

— Простите, сир, — сказал Сэм. — Мы не хотели вреда.

— Это я прошу прощения. — Балфрусс протянул руку. — Я потерял самообладание.

Они посмотрели на его руку, будто на ядовитую змею, но все-таки пожали ее и вышли из зала вслед за интендантом.

— Может, представите мне остальных? — предложил король, вновь усаживаясь на трон. — И сами назовётесь.

— Я Балфрусс, Ваше Величество. Вы уже познакомились с Дариусом и его женой Элоизой. Знайте же, что он мой Кровный брат.

Король и генералы удивленно переглянулись, но Таландра кивнула: ей было известно, что право называться так — большая честь в Пустынных королевствах. В награду за службу тамошний властитель позволил Балфруссу породниться с Дариусом, хотя их не связывали кровные узы. Благодаря этому севелдромский маг вошел в один из самых могущественных родов Пустыни и получил право наследования.

— Имена остальных мне неизвестны, — с сожалением продолжал он, — хотя я узнал калфа из племени Первых людей.

Человечек вышел вперед и поклонился. Его плоское лицо испещряли ритуальные шрамы, красные и синие татуировки на руках почти почернели от времени. В ушах висели костяные украшения, а единственной драгоценностью было ожерелье из блестящих желтых камней. Калф не пользовался обувью, и его подошвы давно затвердели, как старая выделанная кожа. Он из вежливости явился на прием в куртке и широких штанах, обрезанных у колен, хотя обычно его народ не носил ничего, кроме набедренных повязок.

— Я Эко Трескучая Черепаха, — сказал он, коснувшись двумя пальцами сердца и поднеся их ко лбу. — Я пришел на помощь, потому что вы всегда были добры к моему народу. У нас до сих пор вспоминают в молитвах Киле, вашего великого короля. Он заботился о Первых людях, когда мы только появились на ваших берегах. Я пришел почтить его память от имени моего народа. Надеюсь, что ваш Великий Создатель присмотрит за мной на этой земле.

— Благодарю вас, Эко, — сказал король.

Когда перволюд вернулся на место, вперед выступил здоровяк с грубым лицом. Балфрусс удивленно отметил, что тот возвышается даже над Вэнном, крупнее которого, казалось, в зале никого не было.

— Я Финн Кузнец, — прогромыхал великан, как будто не имел больше ничего сообщить. На лицо он был суший ребенок, но в голубых глазах затаилась глубокая печаль. — Я учился после того, как Серый Совет ушел из Красной башни. Показать вам, на что я способен?

Король мельком взглянул на Балфрусса, и тот едва заметно покачал головой. В Финне слышалось не простое эхо. Все маги почуяли в нем необузданную силу, которая едва держалась на тонкой ниточке. Его явно учили на скорую руку. Финн мог оказаться опаснее любого врага.

— Нет, не нужно. Добро пожаловать, господин Кузнец, — кивнул Маттиас.

Последний из боевых магов, усталый шаэлец, вышел вперед и низко склонился перед тронном.

— Я удивлен и рад вас видеть, — сказал король. — Вести из вашей страны приходят нечасто, но тревожат не на шутку. Вы расскажете, что случилось?

Златокожий маг покачал головой и посмотрел на Балфрусса. У того на секунду закружилась голова — до того пронзительны были эти фиолетовые глаза. В ушах зашумело, и где-то вдали раздался шепот множества голосов. Балфрусс покачнулся и еле устоял на ногах.

— Что случилось? — спросил кто-то, однако он не услышал. В голове у него звучал другой, чужой голос. Внутренним взором маг увидел златокожих людей из далекой страны, высокие деревья и города, усеянные стройными шпилями.

— Его зовут Сэндан Туле, — сказал Балфрусс, когда видение исчезло. — И он принес с родины мрачные вести.

Король удивленно посмотрел на него, но ничего не сказал. Прежде чем Балфрусс успел объясниться, чужой голос вернулся, а с ним пришли новые, страшные видения. Улицы захлестнула волна крови, воздух резали вопли, такие высокие, что в них почти не осталось ничего человеческого. Балфрусс с криком упал на колени, узрев образы хуже любого кошмара. Кто-то хлопотал над ним, но все голоса доносились как бы издалека... Постепенно волна воспоминаний схлынула, и вместе с ней утихла буря чувств. Балфрусс утер лицо и поднялся с пола. Его колени дрожали.

«Прошу меня извинить, иначе было нельзя», — сказала эхо у Балфрусса в голове.

— Вам нездоровится? — спросил король.

— Нет-нет, сейчас, — ответил маг, глотая комок в горле. — Я видел, что случилось с его родиной. Тэйкон, Безумный король, уже объединил другие западные народы, когда его войско подошло к Шаэлю. Дипломатия и подкуп не возымели успеха, и тогда он вторгся в страну. Шаэль сражался — и лишь отсрочил неизбежное. Врагов было слишком много. Королеву и ее ближайшую свиту хотели вывезти из страны, но их схватили, пытали и бросили в темницу.

— Как он сбежал?

Балфрусс повернулся к трону, и Туле снял платок, скрывавший нижнюю половину лица.

— Он не сбежал.

На горле шаэльца лиловел свежий шрам. Рана была рваной — только это и спасло ему жизнь. Горло уже не кровоточило, однако сильно распухло.

— Его пытали, а затем перерезали горло, — объяснил Балфрусс. — Убийца был небрежен: Туле потерял голос, но сохранил жизнь. Всего несколько дней назад он очнулся в общей могиле, заваленной трупами соотечественников.

Король, Таландра и Граэгор, седой одноглазый генерал, подошли к шаэльскому магу. Тот если и напугался, то не подал виду.

— У меня нет слов, — сказал король, беря Туле за руку.

— Он просит вас не оставлять Шаэль в беде, — сказал Балфрусс. — В стране собирается сопротивление, но их сил не хватит, пока существует западный альянс. Туле поможет вам выиграть войну, чтобы освободить свой народ.

— Я сделаю для их свободы все, что в моих силах. Клянусь жизнью и честью, — сказал король. — Клянусь тронном Севелдрома и железом в моей крови.

Такие слова не бросают на ветер. Священный обычай обязывал короля сдержать клятву. Если он умрет, не исполнив обещанного, его преемник должен будет довести дело до конца. Туле склонил голову и с благодарностью вернулся на место.

— Вы, наверное, устали с дороги. Будьте как дома и отдыхайте, пока можете. Война на пороге, и когда все начнется, мы забудем, что такое здоровый сон.

Все встали, и король, его дети и генералы покинули зал. Граэгор остановился на полпути и вперил свой единственный глаз в Балфрусса. Магу показалось, что генерал подойдет к нему, но он отчего-то передумал и быстрым шагом нагнал остальных.

Радость от встречи с друзьями быстро отступила перед лицом грядущих событий. Война против огромной армии, которую вели за собой безумный Тэйкон и Чернокнижник с учениками... Балфрусс вернулся в Севелдром, потому что король просил о помощи, но теперь у него появилось еще больше причин сражаться, и все эти причины стояли сейчас перед ним. Он сделает все, чтобы их защитить. Другой семьи у него не было.

Столько боевых магов Балфрусс не видел за много лет. Вопреки нависшей угрозе рядом с ними он чувствовал возбуждение, к которому примешивался испуг при мысли о том, чего они могут достичь сообща. Им было по силам изменить мир.

Варгус шел по казармам Чараса. То здесь, то там его привечали кивком или взмахом руки. За три недели, проведенные в армии Севелдрома, он стал популярен. К нему, ветерану, юнцы часто обращались за советом. Те, кто хотел пережить первый день войны, ловили каждое его слово. И новобранцам, и вчерашним ремесленникам, не привыкшим к мечу, рядом с Варгусом было спокойнее. Он вселял надежду, что и на передовой можно выжить.

Опытный воин в низком звании — зрелище редкое, но не сказать чтоб невиданное. Варгус не носил наград, не любил церемоний и не чурался крепкого словца. Он выпивал с крестьянами и кузнецами, с солдатами и наемниками, а иногда, перебрав пива, выходил с утра на учебный бой распухшим, точно утопленник. Не раз замечали, как он разглядывает витрину борделя. Его знали как простого вояку — такого, как все.

Удивительнее было, что после стольких лет службы Варгус не имел зуб на командиров. Он беспрекословно выполнял все приказы. Офицеры, в свою очередь, уважали его за дисциплину и ставили в пример другим, не раз угощали Варгуса выпивкой и просили рассказать какую-нибудь историю.

После трех недель суровых тренировок с его живота сошел последний жирок и каждый мускул болел, напоминая о том, что он жив. Кровь стучала в жилах — это был ритм самой жизни, и Варгус вбирал его всеми чувствами. Шум, который производили солдаты, готовясь к войне, звучал для него слаще музыки. От лязга оружия и запаха дубленых доспехов начинало покалывать кожу. Рабочие на сыромятных трудились не покладая рук, а дубильщики превращали знаменитых коров соренсонской породы в прочнейшие доспехи.

Издалека доносился ритмичный перезвон молотков: работали кузнецы. Ни одного солдата не обделили оружием, но в бою оно вечно ломается или теряется. Король знал свое дело и прилагал все силы, чтобы в должный час каждый был обеспечен всем необходимым.

— Варгус! — крикнул Карноу, южанин, пришедший на север под знаменем седого Граэгора, — того самого генерала, чья знаменитая тактика помогла королю одержать за последние тридцать лет несколько крупных побед. Поджарый, с красным от ветра и солнца лицом, Карноу одевался в традиционные для юга цвета — зеленый с коричневым — и с детства владел клинком и луком. В лесу ему было привычнее, чем в городе, где каменные башни заслоняли собой звезды.

— Карноу!

— Выпьем сегодня в «Лисе и Перчатке»?

— С удовольствием.

— Куда идешь?

Перед тем как ответить, Варгус поскреб щетину.

— Буиллэм попросил меня приглядеть за новичками на учебном дворе.

— Как это ты устроился?

Варгус пожал плечами.

— Показал кое-кому из юнцов, как надо драться, а Буиллэм заметил и отправил учить остальных.

Карноу поднял бровь.

— И?

— И назначил кое-что сверх обычной платы.

— Кое-что — это сколько? — нахмурился Карноу. — Спрашиваю, потому что дома у меня жена и три дочки и всех надо кормить. В стрельбе из лука я тебя в два счета обставлю, так что, если на учебном дворе платят больше, мне деньжата не помешают.

— Я скажу Буиллэму, что ты интересовался. Глядишь, и поможет чем-нибудь.

— Это дело. У тебя что, новый зуб?

— Вставил сегодня утром. Стальной. — Варгус осклабился, показывая обновку — не первую и вряд ли последнюю. — Обошелся недешево, но все лучше, чем лопать кашу до конца дней.

— А, в пекло его! Вечером первая кружка за мой счет, если расскажешь про Мэрроухилл. Говорят, ты там был. Граэгор про те времена молчит, как воды в рот набрал... Похоже, стыдится чего-то.

— Расскажу что вспомню.

— Значит, до вечера. — И Карноу направился к Старому городу.

Несколько минут спустя Варгус, минуя храм Всеблагой Матери, почувствовал на себе чей-то взгляд. В переулке неподалеку стояла девочка лет четырнадцати. У нее было худое лицо и синие пятна в уголках губ — верный признак курильщика венте. Полупрозрачное платье не скрывало изгибов стройного, еще незрелого тела. Девочка поманила Варгуса, но он, покачав головой, пошел своей дорогой. Какой-то встречный солдат оказался сговорчивее и скрылся с ней в тени за храмом, посвященным невинности.

В Морриноу большинство составляли истово верующие, и любое слово против Всеблагой Матери каралось по всей строгости. Занятие любовью возле храма грозило женщине поркой, а мужчине — и вовсе необратимым наказанием с применением небольшого топорика. Священники там носили кольчуги и при случае могли вколотить веру дубинкой. Зато здесь, в Севелдроме, пухлая матрона в белых шелках звякала блюдом для жертвоприношений, а пыхтящего солдата будто не замечала.

Чуть дальше по улице располагалось ветхое святилище Кай'еги. Деревянные двери давно покоробились, краска местами сошла, резное око стало едва различимо. Кое-где на крыше зияли дыры, птицы свили гнезда среди стропил — в общем, то еще зрелище. Варгус краем глаза заметил мелькнувшую в стороне тень. В эти дни в святилище жили только крысы. Печально покачав головой, он отправился дальше.

На пастбище за южными воротами раскинулось море шатров и костров — будто не войско, а какое-то кочевое племя обступило столицу. Огромный лагерь гудел, словно улей. Люди, каждый по-своему, готовились к войне.

Кто-то напился допьяна, хотя день едва занялся. Кто-то плясал до упаду под трели флейт и стук барабанов. Многие употребляли свободное время на поиски удовольствий или забвения, зная, что другого случая для веселья может и не представиться.

По всему лагерю трудились десятки прислужников интенданта: составляли списки еды, оружия, доспехов и лекарств. Среди шатров бродили враны — так называли полевых врачей за их черные колпаки, однако те, кто предавался веселью, отводили от них глаза. О вранах вспомнят, когда начнется сражение: солдаты будут слезно молить, чтобы те не прошли мимо, а сейчас их, как и настоящих ворон, считали вестниками несчастья.

Южнее, на плоскогорье, всадники отрабатывали удары на чучелах и вели совместные учения с другими войсками — снова и снова, пока война не войдет в их кровь, не станет второй натурой.

Конюхи и кузнецы без усталости осматривали лошадей, а люди из главного штаба следили,

чтобы каждый солдат был сыт и ни в чем не нуждался.

Внимание Варгуса привлек размерный звон стали. Воины в кольчугах и кожаных доспехах размахивали мечами под присмотром сержанта. Сразу было видно: каждый дерется сам за себя. Движения казались выученными, отрепетированными. Поодаль от этих рядов солдаты бились один на один с куда меньшим изяществом. Они сражались не напоказ и думали только о том, чтобы ранить или убить неприятеля. Меч против топора, булава против железного копья, пика против кистеня... Это в учебном бою хорошо драться с тем, кто владеет таким же оружием, что и ты. На поле битвы выбирать не придется.

Еще дальше воины под стук щитов сходились стенка на стенку. Эти не носили доспехов и орудовали деревянными мечами, измазанными красной краской. За ними скептически наблюдал сержант по имени Кефи — лысеющий человек ростом чуть ли не вполовину Варгуса. Тех, кто сильнее остальных испачкался в краске, он объявлял покойниками и оставлял лежать на земле до конца сражения. Понаблюдав несколько минут за солдатами, Варгус понял, почему Буиллэм просил его ими заняться.

Наконец, один из отрядов в полном составе уложили на землю, а победители огласили воздух радостными криками. Кефи, припадая на правую ногу, подошел к Варгусу. Тот кивнул в знак приветствия, не сводя глаз с солдат и подмечая самых способных.

— Что скажешь? — спросил Кефи.

— Сыроваты. Дисциплина есть, но к делу относятся несерьезно. Не понимают, что они часть отряда. Им невдомек, какие трудности их ждут и что стоит на кону.

— Что ж, доверяюсь твоему опыту, — коротко кивнул Кефи. — Удачи.

Он ухмыльнулся и захромал прочь.

Вокруг Варгуса уже собрались люди. Кое-кого он знал в лицо, остальных видел впервые в жизни. Пожалуй, лучшая тактика с ними — честность.

— Хотите пережить войну? — спросил Варгус. Ответом было гробовое молчание. — Хотите увидеть, как она кончится, а потом вернуться домой?

— Глупый вопрос, — сказал крупный солдат с бритой головой и серебряным кольцом в ухе.

— Докажи. — Варгус вытащил меч из ножен, бросил его на землю и поманил здоровяка. — Попробуй меня убить.

Тот нахмурился.

— Чем ты будешь защищаться?

Варгус показал ему пустую руку.

— Мне больше ничего не нужно.

Он вдруг пронзительно закричал и без предупреждения ринулся в атаку. Противник не растерялся — успел вытащить оружие и с силой рассек воздух, — но Варгус легко увернулся и с размаху ударил его в живот. Здоровяк охнул и упал на спину. Варгус помог ему сесть и дал отдышаться, а затем, чувствуя на себе пристальный взгляд толпы, поднял с земли свой меч.

— Я не стану врать и выдавать подслащенную мочу за вино. Некоторые из вас — может, и все — умрут, а перед смертью будут звать мамочку. Я наблюдал за вами и знаю почему. — Варгус ткнул пальцем в невысокого лопоухого солдата с рыжими волосами. — Как тебя зовут?

— Орран.

Он указал на его соседа, светловолосого разведчика-южанина.

— Это твой брат. Таких непохожих еще поискать, разве что воргу вместо него

поставить...

По толпе прокатился смешок, и напряжение понемногу ослабло, хотя все слушали Варгуса с прежним вниманием.

— И все же вы двое — братья. Когда начнется битва и он окажется рядом, плечом к плечу, тебе бы лучше знать о нем все. Не только как его зовут, и сколько детей настрогал, и каких любит баб. Ты должен знать каждую мысль в его голове.

— И как я это узнаю? — спросил Орран. У остальных на лицах был написан тот же вопрос.

Варгус пожал плечами.

— Это кому как нравится. Вы видите каждый день. Кто-то пьет до потери сознания, кто-то говорит до рассвета. Мне все равно — лишь бы вы друг друга узнали. Потому что завтра встанет солнце и мы пойдем на войну. А еще через сутки будем сражаться за свою жизнь и свой дом.

Другие солдаты перестали размахивать мечами и внимательно слушали. Это было важно: Варгус протягивал им соломинку — немного, но лучше, чем ничего. Если солдаты в него поверят, будет большая польза и для них, и для него. Только так он мог выжить.

— Когда нападёт неприятель, вас накроет чудовищный шум. Вы не успеете свои пальцы пересчитать, как почувствуете дыхание врага, услышите крики, увидите, что вас хотят разрубить на куски. Когда их много, а нас мало, останется только одно — смотреть на человека перед собой. Подмечайте, как он дерется, думайте и одолейте его — как хотите, но одолейте. Трудность в том, что война не похожа на учебный бой. Вы не встретите врага лицом к лицу. Они станут нападать по двое, по трое, и вы от страха будете готовы штаны обмочить. Я такое видел и сам не без греха. Ничего стыдного в этом нет. В такие секунды кажется, что победить невозможно.

Его слова разносились вокруг, и толпа внимала, а взгляд Варгуса был обращен в прошлое, когда на него и его соратников обрушились воины с серой кожей.

Вздвогнув, Варгус вернулся в настоящее и увидел юнцов, которые жадно ловили каждое его слово. В туманном будущем оно могло спасти им жизнь.

— Но ты будешь не один, — продолжал он, указывая на Оррана и разведчика-южанина. — С тобой будет он. А еще он, он, и он. — Варгус перевел палец на тощего солдата с черными зубами, на его круглолицего товарища с густыми бакенбардами и на других за ними. — Они твои братья, все до одного. Пусть вы не кровные родственники — а я не священник, и это не проповедь, мать ее, — но вы единое целое. Он доверяет тебе, и ты знаешь, что он любой ценой прикроет твою спину. Поэтому вы братья.

Орран и его сосед внимательно посмотрели друг на друга. Варгус заметил, как остальные сделали то же самое.

— Если он увидит, что на твою голову опускается меч, то отведет его. Он не думая отдаст свою жизнь, спасая твою. Он знает, за что ты сражаешься, и хочет, чтобы ты вернулся домой. Сосредоточься на человеке перед собой — на том, кого тебе нужно свалить. Но не забывай глядеть по сторонам. Присматривай за своей семьей, потому что без них ты покойник.

Варгус подошел к здоровяку, которого раньше сбил с ног, и протянул ему руку. Он боялся, что тот взбрыкнет, однако здоровяк поднялся и ответил на рукопожатие.

— Я Варгус.

— Харго Ке Вауг.

— Мы семья, Харго, — улыбнулся Варгус. — Когда начнется бой, я буду рядом. Клянусь жизнью, я сделаю все, чтобы ты пережил войну.

Харго хотел было что-то сказать — поблагодарить его или ответить такой же клятвой, — но вместо этого просто кивнул. С Варгуса было довольно видеть его улыбку. Она означала, что все обиды забыты.

— На сегодня все, — обратился он к тем, кто стоял рядом. — Ступайте и делайте что хотите. Завтра я жду, что вы будете знать своих братьев и сражаться так, словно на кону стоит ваша жизнь. Я не хочу никого пугать историями о том, что будет, если враг дойдет до ваших деревень. Подумайте о моих словах.

Варгус не оборачиваясь пошел прочь, чувствуя, как его провожают сотни глаз. Звуки города становились с каждым шагом все громче, и кожа покалывала от возбуждения.

Через несколько дней эти люди станут братьями по оружию и будут готовы умереть друг за друга или полягут в бойне, какой еще не знала история.

Прогулка по улицам Чараса оживила много воспоминаний. Хотя Балфрусс никогда не жил в столице дольше нескольких месяцев, он постоянно сюда возвращался. Только это место по праву могло называться его домом.

За границей ему часто снилось, как он гуляет по городу, разглядывает витражи, шпили собора и одноликие здания. Под босыми ногами хрустела мокрая трава. Он шел через Парк королевы, полной грудью вдыхая богатые ароматы трав и ярких цветов.

Сон всегда был один и тот же. Балфрусс останавливался, наблюдая за пчелами, которые порхали между цветами, и только тут замечал особняк. Любопытство толкало его вперед, и вот он уже стоял перед домом своего детства — неброским, но хорошо сохранившимся. Аккуратная соломенная крыша, недавно подкрашенные стены и ухоженные клумбы перед фасадом радовали глаз. На гвоздях у двери сушились на солнце благоухающие пучки базилика и мяты. В окне манили гостеприимством мягкие подушки и уютная мебель...

Ни дома, ни матери давно уже не было. Всякий раз после этого сна на Балфрусса находила тоска, и дом Вэннока пробудил похожие чувства. Дверь отворилась раньше, чем он успел постучать. На пороге стоял его друг.

— Входи, входи, — замахал рукой Вэннок. — Не нагоняй холод.

Балфрусс шагнул через порог, заметив, что, хотя на Вэнне нет ни доспехов, ни оружия, дом для него все равно слишком тесен.

— Закройте дверь! — крикнули из соседней комнаты.

— Так и знал, — пробормотал Вэнн себе под нос, торопясь исполнить просьбу.

Он указал на стул у камина и подбросил в огонь полено. Несмотря на раннюю весну, вечера еще были прохладные.

— Что будешь пить?

— То же, что и ты, — ответил Балфрусс. Быть обузой ему не хотелось.

— Ты ведь наш гость! — в комнату вошла Тереза. В одной руке она держала спеленатого младенца, в другой — бутылку вина. Балфрусс много лет не видел жену своего друга, но она ни капли не изменилась — все такая же стройная красавица, которую провожали взглядом встречные мужчины. Рядом с Вэнном любой показался бы коротышкой; его супруга, рослая по севелдромским меркам, доходила ему до плеча.

В комнату с радостным воплем ворвался маленький мальчик. Он нырнул под мамины юбки и метнулся под стол, однако Вэнн, широко улыбаясь, схватил сына и подбросил его под потолок. Мальчуган с визгом и смехом несколько раз взмыл в воздух.

— Полетели, пап!

Балфрусс поцеловал Терезу в подставленную щеку, взял у нее бутылку и легонько ущипнул малыша за пухлую ножку.

— Как поживаешь, Терри?

— Хорошо, только недосыпаю с ним. — Она кивнула на младенца, клевавшего носом у нее на коленях.

— А кто это у нас?

— Это Джорди, — ответила Тереза, повернув ребенка. На секунду мелькнули золотые кудри и голубые глаза, затем Джорди застенчиво отвернулся.

— Когда мы в последний раз виделись, Тэннос был совсем малыш, — сказал Балфрусс.

Вэнн качал сынишку на ноге, а тот продолжал смеяться. — А теперь — ты посмотри на него!

Тереза закатила глаза и покачала головой.

— Открой вино, мне надо выпить.

Балфрусс вызвался помочь на кухне, но Тереза его прогнала. Как-то раз, много лет назад, он решил отплатить за бесчисленные обеды, которыми она его угощала, но, к сожалению, не очень-то преуспел. Во взгляде, которым Тереза одарила его, ясно читалось, что память еще свежа. Следующий час Вэнн присматривал за грудничком, а Балфрусс развлекал Тэнноса. Мальчуган не знал усталости, и маг гонялся за ним по комнате и подбрасывал в воздух, пока не заныли руки. Тогда он предложил другую забаву и, открыв небольшой канал от Источника, создал световой шар, заполненный подвижными цветными спиралями. Новая игрушка поглотила все внимание Тэнноса, пока Тереза не позвала их к столу. Балфрусс так утомился, что готов был съесть быка.

Он уже давно не пробовал такого наваристого рагу. На востоке говядина была редким и дорогим угощением. Последние пять лет Балфрусс пробавлялся бараниной и козлятиной. Вот и еще одна выгода от возвращения домой.

Он проглотил мясо, съел овощи и до блеска вычистил тарелку коркой хлеба. Вэнн качал на коленях Джорди и поэтому ел куда медленнее. Впрочем, возиться с сыном ему было в радость, он не обиделся, когда Балфрусс прикончил остатки рагу.

После ужина детей потянуло в сон, но прежде, чем уложить их спать, Тереза обменялась с Вэнном многозначительным взглядом.

— Что-то не так? — поинтересовался Балфрусс.

Тереза вскинула бровь.

— Ты его не спросил?

— Случая не было. — Вэнн передал Джорди матери и, усадив на колени осовелого Тэнноса, повернулся к другу. — Иногда он странно себя ведет. Якобы слышит голоса, когда вокруг никого нет. И что-то чувствует, но не может выразить. То ли это детское воображение, то ли...

— Источник? — закончил за него Балфрусс.

Вэнн кивнул.

— Ты можешь его проверить?

— Даже если в нем есть скрытая сила, для Красной башни он слишком мал. Дети обычно не проявляют способностей лет до восьми-деяти.

— Боги! — воскликнула Тереза, качая на руках Джорди. — Какие родители отошлют из дома восьмилетнего ребенка? Ох, прости... — спохватилась она.

— Ничего. Мне нравилось в Красной башне. Я не жалею, что попал туда.

И это была правда, хотя первые две недели Балфрусс каждую ночь ревел. Ему казалось, что это вовсе не то особое место, которое ему обещали, и что он попал сюда в наказание. От тоски по дому сердце ныло целыми днями. Со временем боль притупилась, он наконец-то понял, что значит быть боевым магом. Жизнь, свободная от деревенской рутины. Жизнь, которая позволит ему повидать мир, заработать уйму денег и повстречать множество чужеземок.

Со временем приоритеты сменились, и на место подростковых фантазий пришла неумная жажда знаний и желание защищать других.

— Для проверки придется его разбудить, — сказал Балфрусс, опускаясь перед Тэнносом на колени, чтобы видеть его лицо. Вэнн нежно потормошил сына, но тот слишком устал и

хотел одного — поскорее заснуть.

— Это не больно? — спросила Тереза.

— Нет. Если у него есть способность, он почувствует отголосок того, что я делаю.

Не сводя глаз с мальчика, Балфрусс начал помалу переливать в него энергию из Источника. Тэннос как будто ничего не заметил, поэтому маг усилил поток. Мальчик зевнул и поудобнее устроился на отцовских коленях, не ведая о том, какую силу держал Балфрусс одной своей волей.

— Кажется, ничего, — сказал маг. Тереза с видимым облегчением выдохнула. По лицу Вэнна нельзя было понять, рад он или разочарован.

Балфрусс пожелал детям доброй ночи и, пока Тереза укладывала их в постель, устроился с Вэнном перед камином с бутылкой крепленого вина.

— Как поживают твои родители? — спросил Балфрусс.

— У матери все хорошо. Она души не чаает во внуках. А отец умер два года назад.

— Сочувствую. Он с детства хорошо ко мне относился.

Вэнн пожал плечами.

— Потому что ты ему нравился. А у нас всегда было мало общего. Когда я решил вступить в армию, отец не скрывал презрения. Мол, ничего глупее я и придумать не мог. Он-то надеялся, что я пойду по его стопам и стану каменщиком.

Балфрусс мысленно вернулся в прошлое.

— Как он там говорил?

— Меч нужен людям не всегда, а крыша над головой — каждый день.

Балфрусс рассмеялся, однако тут же осекся, вспомнив о собственной матери и детстве без отца. Вэнн, каким бы надоедливym ни был его родитель, по крайней мере вырос у него на глазах. Тот заботился, чтобы семья не голодала, и был Балфруссu ближе родного отца. Последний раз они виделись, когда будущий маг был ровесником Тэнноса. О своем папаше он знал только, что тот — солдат короля. Мать о нем мало рассказывала, и, чтобы ее не расстраивать, Балфрусс скоро перестал задавать вопросы.

— У него был трудный характер, — сказал Вэнн, заново наполняя свой стакан.

— Твой отец разочаровался во мне всего однажды, когда застал меня в сарае с девушкой.

— Это я помню, — недобро улыбнулся Вэнн. — Он пришел в бешенство. Я думал, он прогонит тебя через строй жрецов Создателя, а потом насильно женит.

Хотя с тех пор минуло уже двадцать лет, Балфрусс все еще видел перед глазами лицо Бет, ее ясные голубые глаза и русые волосы. В юности они мечтали пожениться, завести детей, осесть в деревне и вместе состариться. Он бы работал на каменоломне, она — в пекарне, как ее мать. Обычные детские фантазии, которыми они делились теплыми ленивыми днями. Казалось, лету не будет конца. Балфрусс был счастлив играть вместе с Бет, но никогда не верял ей мечты о том, как отправится в неизведанные страны, на раскопки древних сокровищ и статуй, украшенных бриллиантами, как привезет домой горы золота, и матери не нужно будет трудиться в поте лица.

— Иногда я думаю, где сейчас Бет, что с ней стало...

— Она здесь, в Чарасе, — сказала Тереза, входя в комнату.

— Это правда, — подтвердил Вэнн. Он уступил жене стул и сел на полу. Тереза, поцеловав мужа в щеку, нежно запустила пальцы в его спутанную шевелюру. — Я случайно встретил ее год назад.

— Как у нее дела? — спросил Балфрусс, сглотнув неожиданный комок в горле.

— Неплохо. Вышла замуж за бондаря и держит швейную лавку.

— Они ждут к зиме первенца, — сказала Тереза. — Что? Это же естественно, — добавила она, заметив, как Вэнн поднял бровь.

Балфрусс поневоле задумался, какой бы стала его жизнь, если бы священник в тот день поженил их. Мысль была праздная, однако он ясно видел, чем бы все кончилось. Да, прекрасно иметь свой дом и семью, но со временем он возненавидел бы жену и детей за то, что они привязали его к жизни в глуши без приключений и сюрпризов. К самой обычной жизни.

Балфрусс знал, что перерос бы родную деревню, даже не будь у него способностей к магии. Многие друзья его детства не желали покидать насиженные места и с радостью пошли по стопам своих отцов. Иногда он завидовал им и жалел, что не умеет довольствоваться малым. Возможно, когда-нибудь он вернется в родные края, но сейчас его звала другая дорога.

Балфрусс распрощался с друзьями. Тереза заперла за ним дверь и уселась с мужем возле камина.

— Ты поговорил с ним о его отце?

Вэнн покачал головой.

— Не до того было. Я думал только о Тэнносе и проверке.

— Когда-нибудь все откроется, Вэнн.

— Сейчас у него и так много забот. Это может подождать.

Тереза придержала язык, хотя ей было что возразить. Большие секреты всегда выходят наружу.

Таландра потерла лоб, пытаясь вытеснить давящую на глаза боль. Стояла поздняя ночь или раннее утро, но о сне можно было и не мечтать — слишком много оставалось дел. Стол был завален шпионскими донесениями, отчетами, картами, списками людей и оружия, а также чертежами новой катапульты, которые принцессе всучил настойчивый инженер. Море букв и цифр плескалось перед глазами.

По настоянию отца она и остальные его советники перебрались в Килганнон, поместье у западной границы, расположенное неподалеку от двух проходов через Йерсканские горы. Здесь принцесса была в безопасности — и всего в двух часах галопа от расположения войск. Лорд Килганнона предоставил ей удобные покои, однако из всей здешней мебели ей больше всего полюбилась не кровать, а широкий стол, вмещавший все ее бумаги.

— От тебя будет мало пользы, если ты заснешь посреди первой битвы, — сказал король Маттиас, входя в комнату. — Тебе нужно отдохнуть.

— Скоро, отец. Обещаю.

— Ты сказала, есть какие-то новости?

Таландра взяла со стола последнее донесение от главы шпионской ячейки в Йерскании. Крохотный посланник — мессузская летучая мышь — умер вскоре после того, как доставил письмо. Век зверька был недолог, но как далеко он забрался в поисках адресата, и чего только не увидел в дороге!..

Хотя потеря была невелика, в этой войне на глазах у Таландры еще никто не умирал. Зверек испустил последний вздох у нее на ладони, и принцессе еще мучило чувство полной беспомощности. Скоро на поле боя станут гибнуть солдаты, и сестры милосердия будут так же бессильны их спасти.

Таландра развернула крошечный свиток и пробежала глазами зашифрованное послание.

— Шпионы докладывают о покушении на короля Тэйкона.

— Безуспешном, насколько я понимаю?

Таландра пожала плечами.

— Смотря кто за ним стоял и какие цели преследовал.

— Объясни, — попросил король, устраиваясь поудобнее.

— Прежде чем ты спросишь — нет, покушение устроила не я. Никто из моих шпионов не смог подобраться к Тэйкону. Здесь говорится, что, хотя Чернокнижник и его боевые маги запугали всех до смерти, в Зекоррии назревает раскол. Не удивительно.

— Если Тэйкон хочет удержать свой хрупкий альянс, то не станет откладывать войну. Даже если все сосредоточат усилия на борьбе с погрязшим в грехе врагом, — король постучал себя по груди, — это только отсрочит другие трудности.

Таландра знала сотни историй о чудовищных беззакониях, якобы совершенных ее отцом. Сожженные церкви Святого Света, обезглавленные жрецы Всеблагот Матери, уничтоженные священные книги... Для Зекоррии и Морриноу не нужно было другого повода объявить войну, однако, судя по донесениям, прочие народы на Западе вступили в альянс не по доброй воле. Особенно ужасали сообщения из Шаэля. Было немыслимо, что целую страну можно уничтожить с такой быстротой, но кому и верить, как не ее жителям? Факты — упрямая вещь. Столица Шаэля пала, королевская семья уничтожена или сгинула без вести, а тысячи людей погибли или попали в рабство. С Шаэлем было покончено, а Йерсканию — некогда

сильнеешего их союзника на западе — ждала та же участь, откажись они присоединиться к альянсу. Ворги превыше всего верили в силу и с радостью ухватились за возможность испытать себя в войне, ну а мотивы драссийцев, как всегда, оставались в тайне.

Однако счастья на западе не прибавилось. О беззакониях Маттиаса говорилось много, но если люди и видели зверства, то лишь те, которые Тэйкон учинил в союзном Шаэле.

— Мои подручные делают все, чтобы расколоть альянс изнутри, — сказала Таландра. — Уже говорят, что покушение на Тэйкона — это испытание. Горнило, о котором пророчат священные книги. Одни считают, что здесь замешаны зекорранские фанатики, другие обвиняют отколовшуюся секту морринов. Так или иначе, покушение изменило расклад сил. И не в нашу пользу.

— Каким образом?

— Прежде Тэйкон был раздражен, сейчас он окончательно спятил. Он убедил себя, что кто-то пытался украсть артефакт, который он носит в короне, и в панике проглотил его. Вскоре после первой попытки он навлек на себя вторую, прилюдно.

Король Маттиас потер подбородок.

— Артефакт его защитил.

Таландра кивнула.

— Его ударили в бок копьем, и рана затянулась без следа. Его власть над северянами стала еще сильнее. Теперь многие верят, что ведут священную войну, а их враг — само зло во плоти.

Ее отец криво ухмыльнулся.

— Что особенного в этом артефакте?

— В книгах о Всеблагое Матери и Пресветлом Владыке есть места о бессмертных пророках. Меня они не очень-то убеждают, и мои люди пытаются подорвать эту веру, но морринские и зекорранские жрецы визжат от восторга. Альянс непрочен, однако если религиозный пыл распространится... — Таландра пожала плечами. Не все на западе были помешаны на религии, но если их вождь умеет залечивать раны, отмахнуться от этого нельзя.

А ведь были еще и земли!.. Огромные пастбища и богатые угодья на юге Севелдрома вызвали зависть. Болтовня о пророках для кого-то могла стать предлогом. Впрочем, у каждого была своя причина идти на войну.

— Значит, скоро, — заключил король. — Они, должно быть, уже на подходе.

— Я тоже об этом подумала. Пока пыл не угас, должна пролиться кровь.

— Когда их ждать, как ты считаешь?

— Завтра, самое позднее — через день.

— Что ж, мы готовы. — Уверенность короля передалась и его дочери. — Я прикажу Вулфу удвоить число разведчиков в обоих проходах.

— Как справляется новый генерал? — спросила Таландра, меняя тему.

— Ты про Вэннока? — удивился король. — Два года в звании: не такой уж и новый. Откуда вдруг интерес?

— Простое любопытство.

— Ты никогда не любопытничаешь без причины, Тала. — Отец проницательно посмотрел на нее. — Что ты о нем думаешь?

— Он знает свое дело. Невспыльчив, и люди ему преданы. На него можно положиться.

— И?

— Ты знал, что они с Балфруссом выросли вместе? — спросила Таландра.

— Нет, не знал, — задумчиво ответил король. — А о нем что ты скажешь?

— Я пока не решила. Нужно еще разузнать о его прошлом. Впрочем, он назвал Дариуса Кровным братом, а значит, многое повидал и снискал уважение на востоке.

Король зевнул и поднялся.

— Отдыхай, — сказал он на прощание.

— Скоро. Осталась всего одна встреча.

— У тебя бледный вид. Ты что-нибудь ела?

— Да, и прекрасно себя чувствую, — улыбнулась принцесса.

Король со вздохом коснулся ее щеки и вышел.

Шаги в коридоре постепенно затихли. Таландра задумалась, какие распоряжения дать шпионам в Йерскании. Это страна располагалась в самом центре запада; ее столичный город, Перицци, несмотря на грядущую войну, оставался главным средоточием торговли. А вместе с товарами туда со всего мира стекались сведения. Агенты принцессы внимательно к ним прислушивались, и не только — они могли разбавлять поток новостей новыми слухами, а затем наблюдать, как те расходятся дальше.

Географически и стратегически город был ключом к западу. К воротам Перицци вели оба горных прохода из Севелдрома. Они, да крупнейший торговый порт на западном побережье, делали город критически важным. Армия не могла обойтись без еды, оружия и доспехов, а значит, доки будут на месяцы вперед заняты разгрузкой товаров, предназначенных для отправки через проходы. Неизбежны несчастные случаи. Грузы могут задержаться или утонуть, съестные припасы — испортиться или оказаться отравленными, оружие — повредиться в дороге. Есть много возможностей посеять смуту в стане врага — но только до тех пор, пока город свободен от влияния Тэйкона. Если тот завладеет столицей, у Таландры будут связаны руки.

Никто не мог поручиться за исход первой битвы. Все было готово к стратегическому отступлению. Боевые маги могли изменить расстановку сил, но сейчас Таландре и ее отцу нужно было опираться на факты. Солдат у запада больше. Рано или поздно враг начнет брать числом, поэтому для победы в войне необходимо было разрушить альянс изнутри.

Если случится худшее и западная армия войдет в Перицци, город станет еще важнее. Именно там должно зародиться сопротивление, которое возглавят ее люди. Таландра надеялась на лучшее, однако старалась предусмотреть все и готовила для отца пути к отступлению.

Сейчас она решила, что настало время пустить новые слухи о Тэйконе. Пусть кто-то убежден, что он пророк Пресветлого Владыки, другие могут увидеть в целительских способностях извращение человеческой природы. Священные книги часто оставляют простор для толкований, но люди не станут поддерживать Тэйкона, если поверят, что он подпитывает свое могущество, поедая человечину и принося ритуальные жертвы.

Подробности Таландра оставила на усмотрение своего поверенного, Гундера. Его главная задача, пояснила она в записке, это жители Перицци. Принцесса дозволила Гундеру делать все, что он сочтет нужным, лишь бы город остался свободен от внешнего влияния. Она свернула записку в маленькую трубочку и велела слуге отнести ее на чердак.

Спустя какое-то время в комнату вошел интендант Джонкравиш. Его сапоги гулко стучали по каменным плитам. Несмотря на поздний час, он выглядел бодро; moreover, морщины вообще славились выносливостью. Желтые пронизательные глаза на слегка клиновидном лице не выдавали ни одной мысли. Таландра знала Джонкравиша всю свою

жизнь и, в отличие от многих, не боялась его пристального взгляда.

Интендант носил военную форму без знаков различия, которые говорили бы о его звании. Не носил он и драгоценностей или прочих излишеств. Стройный не по годам, Джонкравиш, как всегда, был одет с иголочки и блестел черными наполированными рогами. Он вел беспорочную жизнь, не брал взятки, большую часть денег отправлял семье и отличался исключительной преданностью. Шпионы запада ненавидели его всей душой.

— Жутко выглядите, принцесса, — сказал он, усаживаясь на стул.

— Спасибо.

Таландра знала, что на его губах играет улыбка, хотя не видела ее за густой бородой.

— И похудели страшно. Перекусите и отправляйтесь в постель.

— Я только это и слышу. Скоро. Еще чуть-чуть.

— Вы хотели поговорить о наших запасах, так?

— Да. Как идут дела в опорных пунктах?

Джонкравиш долго смотрел на нее, прежде чем ответить.

— Тяжеловооруженные воины охраняют их круглые сутки. В тайниках держат запасное оружие, еду и кое-какие сюрпризы. — Он неопределенно махнул рукой. — Придется отступать, так? Что ж, мы готовы.

— Хорошо.

— Но вы позвали меня не за этим, — продолжал Джонкравиш. — Вы никогда не проявляли ко мне интереса.

— Неправда. Я знаю вас всю жизнь. Как и мой отец.

— А еще раньше — его отец. Я имел в виду интерес к моей работе, но это вы тоже знаете. Не заговаривайте мне зубы, дитя, — покачал он головой. — Вы сомневаетесь в моей преданности?

— Конечно нет!

— Значит, думаете, что ваш отец и его генералы ничего не смыслят в войне? Что они неуклюжие дураки и недостойны соли в их крови, так?

— Нет.

— Тогда говорите прямо. Времени мало, и я уже не так терпелив, как раньше.

Таландра вздохнула.

— До начала войны я получала регулярные донесения из Морриноу. За последние три недели многие моррины оставили свои дома и лавки в Севелдроме, чтобы вернуться на родину. Как сообщают мои источники, добрались туда немногие. Я не могу этого доказать, но уверена, что их перебили в дороге. Западная пропаганда обвиняет в их гибели севелдромцев и моего отца.

Джонкравиш выпрямился и сложил руки на груди. Его белая кожа в пурпурных мраморных разводах казалась при свечах почти прозрачной. Аккуратно подстриженные волосы и борода давно поседели, но Таландра помнила, как в детстве видела в них черные островки. Джонкравиш некоторое время смотрел в пустоту, а потом перевел взгляд на принцессу.

— Вы хотите о чем-то спросить?

— Что вы знаете о морринских фанатиках?

— Да, похоже, это их рук дело, — кивнул моррин. — Из-за них я и покинул родину. В свое время мы считали их всего лишь кучкой рассерженных юнцов, которые устраивают на улицах беспорядки. Однако с каждым днем их ряды росли. Я слышал, теперь они получили

место в Совете и отравляют воздух своими речами.

— Ваши сведения устарели. В Совете у них уже большинство. Подозреваю, тут не обошлось без Чернокнижника.

— Пожалуй. А может, все к тому и шло...

— У вас остались связи или друзья? — спросила Таландра.

— Остались. Но разве у вас самой нет шпионов в Морриноу?

Принцесса пожала плечами.

— Они вдруг замолчали. Боюсь, их бросили в тюрьму или убили.

В комнате ненадолго повисла тишина. Джонкравиш обдумывал, к чему клонит принцесса.

— Вы хотите, чтобы мои друзья шпионили на вас? — прошептал Джонкравиш.

— Нет. Я знаю, что ваш народ думает о шпионах. Я лишь хотела с ними... побеседовать.

Согласно известной присказке, если два моррина сойдутся на улице, то не расстанутся, пока не проговорят хотя бы час. Джонкравиш и сам иногда шутил, что его соотечественники ходят в храмы по двум причинам, из которых молитвы — только вторая, а первая — сплетни.

— До меня доходит много слухов, но я хочу знать, сколько в них правды, а какие пущены, чтобы вызвать к нам ненависть, — сказала Таландра.

— Я подумаю.

Принцесса вздохнула с облегчением: Джонкравиш мог и не согласиться.

— Спасибо.

Старый моррин направился было к выходу, однако что-то в лице Таландры его остановило.

— Вас что-нибудь беспокоит?

— В армии четыре тысячи морринов, в Чарасе живет вчетверо больше. Вы и сами понимаете: с началом войны, когда в ворота внесут первые трупы, люди начнут искать козлов отпущения.

Таландра взглянула на его рога и прикусила язык. Расистский намек был до того стар, что моррин его даже не заметил. Общение с Граэгором — тем еще сквернословом — не шло принцессе на пользу.

— Я не оставлю свой пост, — рассердился Джонкравиш, — и не буду прятаться. Севелдром стал мне домом раньше, чем ваш отец появился на свет. В Морриноу я был изгоем, потому что не кланялся Всеблагой Матери и не молился дважды в день. Здесь я моррин, это верно, — но всего лишь один из толпы.

— Само собой, — примирительно сказала Таландра. — Я знала, что вы не захотите прятаться. Речь не о вас.

— А о ком? — неуверенно спросил Джонкравиш.

— О морринском после. Мы приняли под свою защиту посольства большинства западных стран. Посол Кортаирлен, похоже, не видит никакой опасности — или считает себя неуязвимым.

— Обычное дело для молодежи — ему и ста лет не исполнилось. Постараюсь его убедить.

— Спасибо.

— Ну, теперь-то вы отдохнете?

Джонкравиш дождался кивка, поднялся и ласково, как в детстве, провел рукой по ее волосам. Таландра, хотя это было невежливо, чуть было не спросила, сколько ему лет.

Моррины жили вчетверо дольше людей. С того дня, как она появилась на свет, для Джонкравиша прошли считанные минуты.

Стук сапог затих в коридоре. Принцесса решила при случае расспросить его о своей матери. Старые воспоминания тускнели. Было бы хорошо услышать о ней от кого-то, кто не жаловался на память.

Таландра подумала, не отправиться ли в постель, однако предстояло еще столько работы! Она положила голову на стол — всего на минуточку — и тут же уснула.

Утро выдалось холодным, а тусклое голубое небо оставляло мало надежды на дождь. Плохой день для урожая, но в самый раз для начала войны.

Разведчики возвращались из южного ущелья мимо Варгуса и его товарищей, которые выстроились на линии фронта. Южане были привычны к долгим переходам. Короткий рывок, чтобы опередить врага, не представлял для них сложности, тем более налегке. Варгус не первый раз позавидовал качеству их литых кожаных доспехов. Его собственная броня из армейских запасов служила неплохо, но кровь, которую он с нее счистил, наводила на неприятные мысли. Впрочем, сейчас что-то менять уже поздно.

Разведчики проскользнули за переднюю шеренгу. Еще мгновение — и воздух задрожал от громкого гула.

Сотни мелочей по сторонам отвлекали внимание Варгуса, но он упрямо смотрел вперед. Там, вдалеке, яростный ливень стрел накрыл подступающего врага. Не все успели поднять щиты, и вопли раненых эхом прокатились по каменным склонам. На глазах у Варгуса под смертоносным дождем разом погибли десятки солдат.

За первым залпом быстро последовали второй и третий, но враг, несмотря на потери, упрямо шел вперед. Лучники-одиночки на возвышениях и крошечных карнизах, выдолбленных в скале с обеих сторон прохода, начали выбирать цели по своему усмотрению.

По ущелью пронесся слабый западный ветер, и в лицо неприятелю полетела пыль, добавляя к побоищу оскорбление. Варгус порадовался, что ветер не дует в другую сторону, иначе он и остальные солдаты надолго пропахли бы мертвечиной. Даже не глядя по сторонам, он знал, что справа сражается Харго — его надежное присутствие было почти осязаемо. Слева стоял Орран, а возле него — белобрысый разведчик Бенлор. Неподалеку шумел Черный Том с зубами, темными от смолы, которую он жевал день и ночь. Бок о бок с ним — Лохмач, который еще ребенком упал с дерева и с тех пор был лыс, как яйцо, а рядом — Радд, самый тощий воин в отряде, хотя ел за троих, и Тэн с лицом как у крысы — лучший друг Оррана, тот знал его с детства.

Варгус познакомился еще с дюжиной однополчан, и у каждого была собственная история горестей, побед и поражений, больших и маленьких. Жёны и дети, погибшие от нелепой случайности или тяжелой болезни. Домá, спаленные дотла, убитые бандитами семьи. Древний клад, найденный в чистом поле, первое слово сына и дразнящие рассказы о безумных ночах в компании таинственных чужеземок. Все эти истории, обыкновенные и чудесные, стали частью его самого.

Их дружбу скрепили бойцовские ямы и пиво, хлебное вино и общие беды, военные байки и старые песни у догорающего костра. Это братство родилось две недели назад и уже стало сильнее, чем многие из тех, что Варгус повидал на своем веку. Теперь эти люди были его семьей. Они одни стояли между ним и забвением.

Даже под градом стрел враг приближался, ступая по трупам и оставляя позади раненых. Войско запада подошло достаточно близко, и Варгус видел, что это йерсканцы — крепкие бледнокожие люди в стальных шлемах и кожаных куртках. Большинство несли копья и слегка искривленные тесаки — старинное племенное наследие. Их оружие и доспехи, вероятно, отлили и выковали в йерсканских кузницах из металла, добытого в тамошних рудниках. Это был народ ремесленников, торговцев и моряков — но не воинов. Казалось бы, странный

выбор для первой атаки: другие народы альянса славились куда большей свирепостью. Интересно, перед кем они так провинились...

Враг приближался все осторожнее, держа наготове треугольные щиты. Впрочем, лучники уже отступали. Когда йерсканцы подошли так близко, что стали видны их глаза, Варгус ощутил прилив жалости. Их боевой дух был сломлен, а ведь худшее еще ждало впереди.

— Чего они тянут? Мы уже поперек дороги стоим, — пробормотал Орран. Как только он это сказал, где-то сзади глухо прогремел удар.

— На землю! — гаркнул Варгус, и дюжина голосов подхватила приказ.

Воины в первых трех шеренгах упали на колени и, подняв над головами щиты, сомкнули их с соседними. На секунду небо над головой почернело. Варгус отважился выглянуть в щель между щитами и увидел, как накрывшая их тень разорвалась на тысячу осколков.

Шипастые ядра врезались во вражеские ряды, и у Варгуса заложило уши от страшных криков. Сами по себе не тяжелые, ядра падали с большой высоты и легко пробивали доспехи, впивались в тела и сбивали врагов с ног. Кто-то успевал поднять щит, но это не спасало: ядра в щепки разносили дерево или отскакивали и били по неприкрытым ногам и рукам. Изувеченные люди, спотыкаясь, падали на шипы, и вскоре ущелье было усеяно мертвыми телами, а воздух наполнился криками раненых. Самые ответственные из офицеров пытались собрать тех, кто еще мог сражаться, — но куда там!

Вопли йерсканцев заглушил резкий звук рога. Варгус и его соратники с готовностью встали на ноги. Офицеры раздавали приказы, хотя нужды в них не было. Все знали, что делать. Варгус вытащил короткий меч и поглядел по сторонам. Харго мрачно кивнул, Орран спрятал страх за улыбкой.

Варгус втянул в себя воздух и издал неопиcуемый боевой клич, который подхватили сотни глоток вокруг. Задавая шаг, он ринулся вперед, к смятому вражескому строю. Йерсканцы видели, как им навстречу плечом к плечу несутся двадцать человек, однако бежать было некуда. С обоих боков их окружали отвесные стены ущелья, а со спины напирали соратники. Повсюду виднелись трупы, кровь, дерьмо, выпавшее из рук оружие и шипастые ядра.

Горстка солдат нашла в себе смелость встретить атаку лицом к лицу. Замелькали копья, одно едва не задело Варгуса, но он знал: если смерть и возьмет его, то не сегодня.

В ушах грохотал пульс, в руках и ногах слабо пощипывало. Варгус, сам того не заметив, ускорил шаг. Он хотел первым добраться до врага.

Перепуганный солдат перед ним, к своей чести, поднял копье, но Варгус легко отвел его в сторону и пронзил живот неприятеля. Мгновение спустя две армии с оглушительным треском сошлись. Севелдромские щиты врезались в смятые ряды йерсканцев. Их доспехи не могли устоять в суровом ближнем бою, мечи легко пробивали кожу. Со всех сторон на Варгуса летели кровавые ошметки.

Одного врага он с воплем ударил щитом по лицу, второму рассек шею, третьего лягнул в живот, четвертого протаранил. Еще одному Варгус чуть не срезал голову кромкой щита, другому свернул челюсть головкой эфеса. Щеку оросило кровью — это Харго перерезал кому-то глотку. Новый удар — и клинок верзилы, разрубив йерсканскому солдату ключицу, застрял глубоко в теле. К безоружному Харго тут же бросился враг. Заметив это, Варгус оттолкнул щитом двух других и ударил подбежавшего по лицу. Тот отшатнулся — скорее от удивления, чем от боли, — но этого было достаточно. Харго поднял выпавший из рук

йерсканца тесак и одним мощным ударом раскроил воину череп. Словно обезумевший мясник, он принялся крошить неприятеля. Из его горла поднялся смех — искра безумия, мимолетная радость посреди бессмысленной бойни. Это чувство угасло, когда чье-то копьё чиркнуло по его груди, однако оружия Харго не выпустил — тесак словно прирос к его руке.

Земля, небо — все исчезло. Даже стены ущелья для Варгуса больше не существовали. Он не видел ничего, кроме врага впереди. Сперва это был рослый воин, изрыгавший проклятья сквозь желтые зубы. Варгус с рычанием выпустил ему кишки и вдобавок лягнул в лицо. На место воина встал широкоплечий силач с обнаженной грудью, но и этот завизжал от раны в паху, как забитый кабан. Затем лица начали сливаться в сплошное пятно. Варгус шел вперед, размахивая мечом, пыхтя и лягаясь. Внезапно перед ним никого не оказалось, и он от неожиданности чуть не упал. Ему на плечо легла окровавленная рука, и Варгус развернулся, занеся меч для удара.

Лишь поняв, что перед ним стоит Харго, он опустил клинок и огляделся в поисках хоть какого-нибудь очага сражения. Но не увидел ни одного. Бой был окончен, всюду лежали мертвые и умирающие.

Постепенно к нему стали возвращаться чувства. Варгус услышал свое громкое дыхание, ощутил неприятное жжение в легких. Плечи ныли, руки испачкались в крови до самых подмышек. Пока он ловил ртом воздух, подошел Орран с горсткой солдат. На лицах товарищей застыла смесь ужаса и облегчения. Черный Том, тяжело дыша, молча выплюнул на землю кусок смолы.

— В чем дело? — спросил Варгус, озираясь по сторонам. Что их встревожило? Может, это была только первая волна и главное войско на подходе? Однако вокруг он видел лишь воинов Севелдрома. Все йерсканцы, пережившие атаку, сломали строй и обратились в бегство, побросав по дороге оружие и доспехи.

Варгус посмотрел на других.

— Что?

— Дело не в них, — сказал Орран, утирая рот и сплевывая кровавую слизь. — А в тебе.

— Я еле выстоял, — выдохнул Харго. Он согнулся пополам и ловил ртом воздух. — Ты прорубился прямо сквозь строй. Это ты сломал их ряды!

— Нет! — Варгус с силой тряхнул головой. — Мы вместе. В одиночку меня бы давно убили. Мы сломали строй сообща. Харго трижды спас меня от смерти, и я так же точно знаю, что спас его.

— Где Тэн? — спросил вдруг Орран, озираясь в поисках друга. Того и правда не было видно. Все с дурным предчувствием начали осматривать поле битвы.

Обнаружили его под двумя другими телами. Страх навсегда застыл на узком лице, глаза уставились в пустоту, и все же никто не нашел в себе сил отвернуться. Неподалеку раздался стон — какой-то йерсканец, еще живой, истекал кровью из многочисленных ран. С диким криком Орран налетел на него и рубил мечом, пока тело не превратилось в окровавленный шмат мяса, ничем не похожий на человека. Под конец Орран зарыдал, размазывая сопли по избитому, покрытому синяками лицу, но никто не поднял его на смех. Они с Тэном росли в одной деревне. Сначала мальчики, потом мужчины; больше двадцати пяти лет общих воспоминаний. Наконец гнев оставил его, и Орран упал на гору трупов, позабыв обо всем на свете, кроме своего горя.

Харго собирал оружие, Черный Том и Лохмач завернули тело Тэна в одеяло и перенесли его из долины смерти в лагерь.

Варгус бросил последний взгляд на ущелье. Над трупами уже роились мухи и кружили стервятники. Первый день удался на славу, хотя все вышло не так, как он ожидал. Сказать, что это было легко, значило бы соврать. Обе армии понесли большие потери, но на каждого павшего с их стороны приходилось полтора десятка солдат запада. Солнце еще не достигло зенита, а битва уже закончилась. После такого сокрушительного поражения враг сегодня вряд ли вернется. И все же, несмотря на победу, Варгуса тяготило дурное предчувствие.

* * *

Вечером прощались с Тэном. Над ярким погребальным костром поднимался дым, черный от жира. Старый жрец Создателя помянул усопшего в теплой речи. Никто не молился, только Орран тихо плакал, и по лицам тех, кто лучше других знал погибшего, беззвучно катились слезы. Той ночью горело еще много погребальных костров, но этот был самый шумный. Некоторые опьянели до того, как огонь начал гаснуть, однако из уважения к Оррану притворялись трезвыми, пока тот наверстывал упущенное. Вот напьется — и можно будет себя не сдерживать: к утру он мало что вспомнит, и меньше всего о том, кто вел себя уважительно, а кто нет.

Вскоре Орран пустился в воспоминания. Под хриплый смех товарищей он травил байки из их общего с Тэном детства — как они воровали яблоки и как друга застукали, когда он обжимался с фермерской дочкой на сеновале, потому что та слишком громко визжала.

Потом люди пустились в пляс и затянули старые песни из книги Создателя — запевадой был захмелевший священник. Хорошее настроение испортил жрец из церкви Святого Света, который предложил Оррану исповедаться.

— Засунь свой фонарь себе в задницу! — огрызнулся тот и выпустил бы жрецу кишки, если бы Варгус не оттащил его, а Харго не отобрал меч.

Костлявый служитель культа удалился, и скоро о нем забыли, сосредоточившись на новом бочонке пива. В ход пошли военные байки, люди все прибывали. Скоро толпа заслонила от Варгуса другие лагерные костры. Широкое море покрасневшихся лиц плескалось от смеха, и по нему волнами перекатывались обрывки песен.

Когда разговор неизбежно зашел о дневной битве, Харго и остальные заговорили о том, сколько йерсканцев убил свирепый Варгус. Тот поспешил воздать должное товарищам — а кто считает иначе, тот, мол, просто перебрал вина. Оррану, который уже основательно захмелел, это пришлось не по нраву.

— Я там был, — сказал он, качаясь из стороны в сторону. — Варгус у меня на глазах рубил этих сволочей, будто шел по полю с косой. Я такого никогда не видел.

Варгус отставил кружку и сел неподвижно, чтобы обратить на себя внимание. Даже Радд перестал пихать в рот еду, а Черный Том бросил жевать смолу. Только когда толпа затихла, Орран посмотрел на него.

— Я жив лишь потому, что мы сражались вместе. Помнишь, как мы встретились во время учебного боя? Разве ты не умел драться? Нет, тебе просто было плевать. Я назвал вас братьями, и каждый, наверное, решил, что я выпил лишнего или читаю проповедь, как последний фонарщик.

Орран ухмыльнулся, и Черный Том сплюнул в костер, отчего тот зашипел.

— Ну, теперь убедились?

Люди одобрительно загудели. Варгус поймал взгляд Оррана, и тот после долгой паузы кивнул. Варгус знал, что его отряд снискал уважение многих. Они вели атаку и первыми прорвали ряды неприятеля, сокрушили его слабую волю.

Кто-то из солдат вошел в светлый круг у костра и преклонил перед Варгусом колени.

— Я видел, как вы все сражались, и хочу быть с вами, — торжественно объявил он. — Что мне для этого сделать?

Варгус притворился, что размышляет. Остальные наблюдали за ним со смесью удивления и веселья.

— Ну, я могу нагнуться, а ты поцелуешь меня в зад. Как тебе идея?

У солдата был такой напуганный вид, что все покатались со смеху. Варгус поднял его на ноги и хлопнул по плечу.

— Это не культ, а я не вожак. Садись, поговорим.

Той ночью больше сотни человек принесли идею братства в свои отряды, и она, как лесной пожар, охватила все войско.

Перед тем как окончательно свалиться от хмеля, Варгус посмотрел на свои руки. С них почти сошли стариковские пятна, и кожа как будто помолодела.

Ниррок скорчился в дальнем углу тронного зала, прижавшись к стене и изо всех сил стараясь, чтобы его не заметили. До сих пор император Тэйкон обходил его вниманием, но удача могла изменить в любую секунду. Желания императора полагалось исполнять как можно скорее, дабы не навлечь на себя его гнев. В настоящий момент тот был поглощен созерцанием цветастой экзотической птицы — со сладким, но очень уж громким голосом. Птица, конечно, была диковинкой. Ее привезли из бескрайних изумрудных джунглей к югу от Гиблого моря. На западе таких не видывали — это и делало ее достойной императорского внимания. Ниррок был не азартен, но побился бы об заклад с кем угодно, кто взялся бы утверждать, что птицу ждет долгая жизнь. Нет, ей наверняка свернут шею. Все игрушки, к которым Тэйкон терял интерес, ждал один конец.

В дверь громко постучали, и в тронный зал вошел глашатай. Он поклонился до самого пола и, выпрямившись, сказал:

— Члены Военного совета явились по приказанию Вашего Святейшества. Ждут, когда Ваше Святейшество соизволит их принять.

Тэйкон вернул птицу в клетку, проверил напоследок замок и обратил взор на глашатая. Желваки на лице императора запрыгали вверх-вниз, и Ниррок внутренне приготовился к новому зверству.

— Впусти их, — сказал Тэйкон спокойным, к всеобщему удивлению, голосом. Глашатай медленно выдохнул, еще раз поклонился и попятился к двери.

Шестеро крепких мужчин, войдя в зал, как по команде склонились перед тронном. Четверо, местные зекорранцы, носили кольчуги и тяжелые пластинчатые доспехи; двое были рогатыми морринскими воинами. По многочисленным знакам различия Ниррок догадался, что перед ним генералы. Морринов пригласили из вежливости, но они, судя по виду, встревожились не меньше зекорранцев. Хотя в зале царила прохлада, лица генералов блестели от пота.

Ниррока удивило, что военный совет заседает в столице, а не командует армией. С другой стороны, его ли ума это дело?

— Как продвигается наступление? — спросил Тэйкон, нарушив сковавшую зал тишину.

— Как вы и требовали, Ваше Святейшество, королева Йерскании была наказана за то, что посмела ослушаться вашего приказа, — ответил один из генералов. — Впредь она будет сговорчивее.

Скуку с императора как рукой сняло.

— Я хочу знать все подробности, — сказал он с дружелюбной улыбкой, при виде которой у Ниррока напрягся сфинктер.

Вперед выступил другой генерал — широкоплечий, с черной промасленной бородой.

— Мы повели первую атаку через южный проход, существенно опираясь на йерсканцев и почти не оказав им поддержки. Как мы и ожидали, их оружие и доспехам оказалось далеко до севелдромских. Йерсканцы умылись кровью, Ваше Святейшество. Они еще подсчитывают трупы, но по нашей оценке погибло несколько тысяч.

Должно быть, поняв, что он сказал слишком много и говорил слишком долго, генерал опять поклонился и быстро отступил назад.

— Ну, а что королева? — спросил император — От нее что-нибудь слышно?

Полководцы коротко посоветовались, и все тот же генерал ответил:

— Нет, Ваше Святейшество.

— Значит, нам неизвестно, поняла ли она послание?

Генерал сглотнул комок в горле.

— Пока нет, Ваше Святейшество. Ожидаю, что она даст о себе знать в любую...

Тэйкон поднял руку, и генерал тут же умолк, будто ему перерезали глотку.

— Глашатай! — крикнул Тэйкон. Его голос заметался между голыми каменными стенами.

Ниррок услышал неистовый топот. Дверь распахнулась, и на пороге возник вспотевший глашатай.

— Да, Ваше Святейшество?

— Нет ли новых вестей из Йерскании?

Глашатай на секунду задумался, явно соображая, чем грозит ему ответ. Наконец он сказал:

— Нет, Ваше Святейшество.

— Ты уверен?

Короткая пауза.

— Да, Ваше Святейшество.

Тэйкон поднялся с трона.

— Пошел, — махнул он рукой, и глашатай, торопливо попятившись, закрыл за собой дверь.

— Скажи мне, генерал...

— Лорка, Ваше Святейшество.

— Скажи мне, Лорка, победила ли моя армия в первый день войны?

Лорка оглянулся на своих сослуживцев, ища поддержки, но те потеряли дар речи.

— Я не... то есть...

Император, заложив руки за спину, плавно приблизился.

— Вопрос очень простой, Лорка. Мы победили?

Пот градом катился по лицу генерала. Он шарил глазами по залу в поисках помощи.

— Мы потеряли... мы... отступили.

Тэйкон подошел к генералам на расстояние вытянутой руки. Ниррок вдруг понял, что не может проглотить набухший в горле комок. Воздух в зале стал сухим и горячим.

— Значит, проиграли?

Лорка утер пот со лба, открыл рот, не смог выдавить ни слова и только кивнул.

Император поцокал языком и пошел к трону. Когда он повернулся к генералам спиной, те едва слышно выдохнули.

— По твоей оценке, погибли несколько тысяч моих солдат?

— Да, Ваше Святейшество, — прохрипел Лорка.

Обойдя трон, император достал небольшой кинжал. Ниррок закрыл руками лицо, не в силах вынести это зрелище, но скоро начал подсматривать между пальцев.

— Каждая смерть меня ранит. Я чувствую их боль как свою собственную.

Никто не знал, что на это ответить. Тэйкон подошел к генералам, низко держа кинжал, и те приготовились к худшему.

— Когда страдают мои солдаты, страдаю и я. — Император поднял свободную руку и провел лезвием по ладони. — По-другому и быть не может.

Кровь из неглубокой раны закапала на пол, но тут же остановилась. Края пореза сошлись, и он исчез без следа.

— Мы все должны страдать, — сказал император, хватая Лорку за руку и проводя по ней кинжалом. Эта рана была куда глубже — кровь ударила из нее струей.

Лорка охнул.

— Это раз, — сказал Тэйкон.

Он взял кинжал в обе руки и вонзил его себе в живот по самую рукоятку. Император не вскрикнул от боли, только пошатнулся, а затем вытащил клинок. Густая темная кровь обагрила его шелковую мантию, однако скоро замедлила бег и остановилась. Тэйкон, хотя и не сразу, задышал ровнее и сумел выпрямиться.

— Это два.

— Нет! — успел сказать Лорка, прежде чем император ударил его в живот. Генерал закричал и попытался оттолкнуть Тэйкона, чем привел императора в ярость. С диким криком тот бросился на Лорку, сбил его с ног и принялся снова и снова втыкать кинжал. Остальные генералы поспешно отступили. Один из них бросился к выходу, но двери были заперты.

— Семь, восемь, девять, — считал император, поднимая и опуская кинжал. В воздух летели брызги, на полу растеклась лужа крови. По запаху мочи Ниррок догадался, что кто-то из генералов напустил в штаны.

— Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать.

На счет «двадцать» Лорка перестал кричать. Досчитав до тридцати двух, Тэйкон воткнул кинжал в остывающий труп.

Когда император наконец встал, его мантия, руки и лицо были красными от крови. Он, казалось, не замечал этого, пока скрип подошв не привлек его внимание к кровавым отпечаткам сапог на полу.

— Ой-ой, — хихикнул Тэйкон. — Ну и беспорядок я навел!

Он уселся на трон, запачкав дорогое убранство, и взглянул на свою певчую птичку. Та как ни в чем не бывало продолжала весело щебетать. Песня заставила императора улыбнуться. Он задумчиво провел рукой по лицу, размазав кровь, будто краску, сплюнул на пол, отпил из стоявшего рядом кувшина с охлажденным вином и вылил остатки себе на голову. Лицо стало чище, но Тэйкон, недовольный результатом, стащил с себя мантию, скинул сандалии и остался на троне в чем мать родила.

Генералы стояли по стене, отчаянно шаря глазами в поисках запасного выхода. Они вошли без оружия, а за дверями ждала наготове императорская охрана. Кое-кто посматривал на высокие окна позади трона, выходящие в сад. Путь до земли был неблизкий, и все же один генерал начал боком подбираться к престолу.

— Чем закончился счет? — спросил император у подданных. — Что, никто не запомнил? — Все промолчали, и тогда Тэйкон посмотрел прямо в дальний угол. Ниррок почувствовал, как сердце уходит в пятки. — Эй, ты! На чем я закончил?

— На тридцати двух, Ваше Святейшество.

— Ага! — воскликнул император, будто в самом числе заключались тайны, которые только он мог постичь. — Да, не хотелось бы начинать сначала.

Он со злобной ухмылкой кинулся на генерала, который на цыпочках шел к трону. Генерал с пронзительным криком побежал вперед и не умолкал, пока у самого окна император не прыгнул ему на спину.

— Тридцать три! — радостно крикнул Тэйкон и вонзил кинжал в руку, тянущуюся к задвижке. Беглец взвыл от боли и заехал Тэйкону по лицу. Хрустнула челюсть. Пока император вправлял ее на место, генерал задергал щеколдой, потом в дикой панике локтем разбил стекло и запрыгнул на подоконник.

— Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть, — считал император, протыкая генералу обе ноги. Он обхватил беглеца за талию, сбросил на пол, а затем с хлюпающим звуком вонзил клинок ему в глаз.

— Тридцать семь. Ого, какой сочный!

Ниррок был не в силах на это смотреть. Он закрыл лицо руками и весь съежился, однако не мог заглушить ужасные крики, шлепки, с которыми мясо ударялось о пол, и разлившееся по залу зловоние смерти и вскрытых кишков. Пытаясь думать о чем-то хорошем, он замурлыкал себе под нос мелодию из детства — колыбельную, которую когда-то пела его мать. Ниррок плохо помнил слова, но там говорилось о приятных снах и о том, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Спустя какое-то время — Ниррок потерял ему счет — он вдруг понял, что в зале воцарилась тишина. Очень медленно, стараясь не привлекать внимания, он выпрямился и выглянул в щелочку между пальцами.

Пол, красный от крови, был усеян кусками тел, глазными яблоками и еще чем-то розовым, голубым, багровым и белым, для чего он не мог подобрать названия. Неподалеку лежал сапог, откуда торчала отрезанная ступня. Алые брызги покрыли стены узорами, в которых читались боль и страдание. Кровь неизвестно как попала даже на потолок.

Император сидел на троне, тихим свистом подпевая своей маленькой птичке.

— Приберите тут, — махнул он рукой, не оборачиваясь, на куски тел. — И найдите мне других генералов.

Ниррок не дыша попятился к выходу и осторожно толкнул двери. К его удивлению, они оказались не заперты. Смеясь сквозь слезы и спотыкаясь, он со всех ног побежал за дворецким — быстрее, пока император не обвинил в беспорядке его самого.

Оба прохода, ведущие к Севелдрому на севере и на юге, были завалены трупами. Два дня совместные силы запада тщетно пытались прорвать оборону, но в теснине их численный перевес ничего не значил. Сотни людей понапрасну сложили головы — и вряд ли случайно. Большинство убитых пришли из Йерскании и оказались не подготовлены к жаркому бою. Их как будто наказали за что-то. Сегодня, если Тэйкон не спятил по-настоящему и не решил пустить под нож целую армию, запад должен был сменить тактику.

Война положила конец тихим денькам в городе. Дорога на передовую заняла несколько суток, зато позволила Балфруссу проехать верхом через родную деревню и всколыхнула старые воспоминания. Он не ожидал, что будет так грустно.

Хотя до сих пор армия обходилась без магов, те ждали наготове: Чернокнижник с учениками могли появиться в любую минуту.

Балфрусс издалека почувствовал приближение Туле. Несколько дней отдыха пошли на пользу всем, но больше всех — шаэльцу. Королевский лекарь обработал его тяжелые раны, а для поправки прописал сон, примочки и вонючую микстуру.

Не будь искусство магов-целителей утрачено, Балфрусс вмиг бы вылечил соратника. Увы, только Первые люди еще помнили о даре, да и те спустя несколько поколений забудут последние крохи. Как-то раз Балфрусс заговорил об этой потере с Эко. Тот слабо разбирался в целительстве, но среди его соплеменников дар еще был силен. Когда-нибудь Балфрусс к ним наведается. Если переживет войну.

— Ты выглядишь лучше, — сказал он шаэльцу.

Туле прикрывал рану на шее белой повязкой. Тени под его глазами исчезли, впалые щеки округлились. Он уже ходил, почти не опираясь на посох. Первые три дня, выполняя врачебные предписания, маг отсыпался. На четвертое утро лекарь обнаружил пустую постель. Туле встал на рассвете и вышел в город размять ноги. С тех пор к нему вернулся аппетит, и за столом он не уступал в проворстве даже Финну.

«Финн — очень интересный человек».

Балфрусс нахмурился. Он до сих пор не привык слышать внутри чужой голос. Было не по себе от того, что другой читает все его мысли.

«Только те, что лежат на поверхности. И только те, что связаны с сильными чувствами. Я не сую нос в чужие дела».

— Я не в обиде, просто тревожусь. Финн очень силен. Если бы его как следует выучили, ему бы не было равных. Я до сих пор не знаю, к добру он с нами или к худу.

«Скоро выясним. Чувствуешь?» — спросил Туле.

Балфрусс закрыл глаза, отключился от царящего в лагере шума и напряг внутренний слух. Что-то надвигалось с запада, все ближе и ближе. Эхо магического Дара. Сперва это было легкое касание, будто по коже вели перышком, но с каждой секундой ощущение в голове набирало силу.

— Проклятье, — пробормотал он, открывая глаза. — Нужно сказать остальным.

Однако нужды в этом не было. Остальные маги, услышав эхо, высыпали из шатров. В широко открытых глазах читался испуг пополам с возбуждением.

— Это они? — спросила Элоиза.

— Наверняка. Ни один боевой маг в одиночку не обладает такой силой, — сказал

Балфрусс, надеясь, что это правда, потому что иначе война очень скоро закончится.

Солдаты не почувствовали ничего необычного, но встревожились, увидев, как боевые маги строятся вдоль линии фронта. Разговоры постепенно затихли, и в неестественной тишине все устремили взгляды к устью южного ущелья.

Давление на разум Балфрусса росло с поразительной быстротой, будто на них надвигалось нечто огромное и непостижимое. Казалось, из ущелья вот-вот вырвется волна, сметая все на своем пути.

Заколело в кончиках пальцев, волосы на руках встопорщились от накопленной в воздухе энергии. Эко и Финн встали по сторонам от Балфрусса. Все позиции хорошо продумали. Элоиза заняла дальний от Финна фланг — как самый искусный из боевых магов, она могла бы, случись что, направлять кузнеца. Даже под напором подступающей силы было слышно, как от Финна исходит тяжелый пульс, постоянное напоминание о его мощи.

— Не забудь, — обратился к нему Балфрусс. — Враг попытается запугать нас кошмарами или залезть в твоё сознание, чтобы сокрушить волю.

— Я помню, чему меня учили, — кивнул Финн.

— Тогда расслабься, — прошипел Балфрусс. — Я чувствую, как ты собираешь силу.

Верзила несколько секунд сверлил его взглядом, потом стал дышать глубже и медленнее. Напор ослаб, и эхо призванной силы, исходящее от кузнеца, стихло.

Элоиза поймала издали взгляд Балфрусса, без слов поняла, что у него на уме, и потрясла головой. Сейчас уже поздно. Если они переживут сегодняшний день, ему предстоит долгая беседа с Финном. Кузнецу, при всей его силе, многому предстоит научиться.

Минуты текли, но солдаты, которым передалась тревога от магов, не нарушали молчания. Балфрусс глубоко вздохнул и почувствовал в воздухе необычный запах — пряный, с нотками гнили: смесь плесневелых листьев и хлеба, испеченного с травами. Остальные завертели головами, пытаясь определить источник. Вслед за запахом послышался звук скольжения и бряцания металла о камень, будто артель старателей заколотила кирками по скале.

И вот из ущелья появилось огромное, похожее на слизня чудище с темно-розовым, почти пурпурным кольчатым телом. Оно едва протиснулось в устье, где могли разместиться плечом к плечу двадцать мужчин. Щупальца с металлическими крюками на концах, костяные шпоры и наросты по всему телу толкали исполинскую тушу с необычайной скоростью. Чудище встало на дыбы и разинуло пасть, усеянную рядами острых, как иглы, и длинных, как копья, зубов. Оттуда вырвалось зловонное рыжее облако, и по ущелью разнесся душераздирающий вопль.

Воины в ужасе взирали на небывалого монстра. Стрелки схватились за луки, зазвучали приказы собираться в тесные группы. Балфрусс чувствовал, как от солдат волнами исходит страх; тем не менее никто не поддавался панике и не бросился наутек.

На первый взгляд, иллюзия была сработана превосходно, но скоро стали заметны изъяны. Земля под чудищем не дрожала, и ни один камешек под его брюхом не сдвинулся с места. Будь эта тварь настоящей, все почувствовали бы её приближение задолго до того, как увидели. Покачивая головой, Балфрусс собрал волю, зачерпнул энергию из Источника и направил её в существо, а затем мысленно потянулся к нему и, пока оно ревело и каталось по земле, резко выбросил руку. Тварь издала последний крик и исчезла — только призрачный образ ещё секунду-другую держался на обратной стороне век.

— Это мираж! — объявил Балфрусс магически усиленным голосом. — Таких существ

не бывает на свете.

Во всяком случае, он на это надеялся. Далеко на востоке ходили слухи о гигантских червях, живущих в Пустыне, но про щупальца в тех историях речи не было.

Балфрусс ожидал, что враг попробует сбить их с толку новой, более тонкой атакой, однако с некоторым разочарованием увидел, как к ним приближаются шесть фигур, облаченных в одинаковые пурпурные мантии с капюшонами. Судя по разному росту и походке, среди шестерых были и мужчины, и женщины. Даже не видя под капюшонами лиц, Балфрусс знал: Чернокнижника среди них нет. Шли Осколки, его ученики.

Напор магической силы исходил от всех шестерых. Их единая воля представляла собой сокрушительное оружие, которое, не встретив сопротивления, могло сровнять с землей горы, уничтожить целую армию и изменить ход войны.

Балфрусс и его соратники это предвидели. Дать Осколкам отпор можно было, лишь собрав свои силы в Цепь, чтобы один боевой маг направлял мощь остальных. Хотя Балфрусс считал, что на эту роль лучше подходит Элоиза, самая опытная из них, управлять Цепью выбрали его.

— Я отдам тебе свою силу, брат, — сказал Эко. Каким бы худосочным и жилистым ни был маленький перволюд, как только он соединился с Балфруссом, тот почувствовал мощный прилив силы. Несколько секунд ушло на то, чтобы выровнять пульс и восстановить дыхание. Остальные маги один за другим начали прибавлять к его силе свою. Приноровиться к ним было все сложнее.

С каждым новым звеном Балфрусс мог внутренним зрением оценить их силу. Финн был обучен хуже других, но мощью превосходил всех. Когда он вошел в Цепь, Балфрусс упал на колени. Казалось, прошли часы, прежде чем перед глазами перестали плясать черные точки, но когда он поднял взгляд, Осколки приблизились всего на несколько шагов.

Воздух вокруг Балфрусса наполнился треском. Голубые искры мотыльками затанцевали вдоль его рук и ног, червячки голубого огня забегали по одежде. Солдаты, стоявшие ближе всех, попятись, чтобы их не задело магией.

— Балфрусс? — произнес незнакомый голос.

Кромка травянистой равнины, которая раскинулась перед горным проходом, выглядела безжизненной и бесплодной, но когда глаза привыкли к новым ощущениям, он увидел, что ошибался. Воздух был полон пылицы, а под ногами ползали сотни насекомых. Над головой кружила воронья стая, а еще выше в потоках горячего воздуха парили ястребы, высматривая добычу. Балфрусс слышал, как всюду вокруг кровь стучит в тысячах звериных и птичьих сердец. Прямо перед глазами медленно била крыльями муха. Медленным стал весь мир.

Он, этот мир, предстал расширенному сознанию мага огромной решеткой, в которой тонкие струйки энергии соединяли собой все живое. Балфрусс начал постигать то, что в обычное время лежало за пределами его понимания.

«Сосредоточься. Ты должен сосредоточиться», — произнес Туле.

Это вывело Балфрусса из задумчивости и напомнило об опасности, которая им угрожала. Он поднял взгляд и увидел, что Осколки готовят первую атаку — топорную и грубо сработанную. Воздвигнутая ими стена энергии ошетичилась тысячью копий, которые могли вырвать душу из тела, не оставив на коже ни единого шрама. Едва стена была готова, Осколки направили ее на Балфрусса и остальных магов. Он отразил удар без раздумий.

Если бы не общая сила Цепи, стена мгновенно прикончила бы его и всех вокруг, но сообщая разорвать ее было не сложно. За первой стеной пошла вторая, быстрее, но не намного

сложнее. Балфрусс рассеял ее, а затем еще одну, которая вновь оказалась лишь чуточку замысловатее.

«Похоже, нас проверяют», — сказал Туле. Балфрусс мог только согласиться.

Фигуры в мантиях не разговаривали между собой и даже не шевелились. Прищурившись, Балфрусс черпнул из Источника и открыл спектр цветов, в обычное время недоступных его глазам. Благодаря новому зрению маг увидел, что позади Осколков, словно нить кукловода, тянется и исчезает вдали черная струйка энергии.

Удары шли один за другим, их сложность и частота наконец выровнялись. За ними не стояло ни мысли, ни цели. Осколки перемежали разные виды атак, будто заранее условились отвлекать Балфрусса и его соратников, не позволяя сосредоточиться. Смертоносные удары нельзя было оставлять без внимания, но все же Осколки явно играли только одну роль — быть помехой.

— Балфрусс... — позвала Элоиза, тоже почуяв неладное.

— Знаю, — ответил он, поманив к себе Эко.

— Да, брат?

— Это уловка. Сейчас я освобожу тебя из Цепи. Предупреди остальных. Похоже, настоящую атаку поведут через северное ущелье. Возможно, ты там понадобишься.

Не сводя глаз с врага, он сосредоточился на сущности Эко в Цепи. Чувство было не из приятных — все равно что пытаться отрезать собственную руку, — но Балфрусс постепенно нащупал контур силы и освободил Эко из группы.

Отражать атаки стало сложнее. Давление на щит возросло, и каждому пришлось увеличить свой вклад. Все же противостоять врагу им было по силам.

Эко перемолвился с капитаном, и от войска отправили гонца на самом быстром скакуне. Еще оставалась надежда, что он успеет предупредить остальных, хотя у Балфрусса на этот счет были сомнения. Эко с минуту передохнул, сидя на корточках и утирая испарину. Только теперь Балфрусс заметил, что по его собственному телу градом струится пот. Сколько же времени они стояли в Цепи и сражались с врагом?

Осколки зашевелились, и один из них покинул Цепь — видимо, в ответ на действия Эко. Тот немедленно поднялся на ноги и зачерпнул силу из Источника.

В одиночку Осколок не пытался атаковать, но направил в сторону магов тонкую струйку энергии, которая, прикоснувшись к Балфруссу, вогнула его в дрожь. Тот посмотрел вдоль ряда и увидел, что собратья один за другим ощутили то же самое. Когда волна добралась до Эко, тот наотмашь ударил рукой. Осколок отпрянул и — впервые действуя по собственной воле — откинул с лица капюшон. Даже на расстоянии было понятно: с ним что-то не так.

Лицо было бледным, местами болезненно желтым. К шишковатому черепу лепились пучки черных волос. На месте глаз чернели две впадины, а на лице здесь и там зияли дыры, сквозь которые виднелись белый череп и внутренность рта. Осколок зашипел, обнажив гнилые зубы в кровоточащих деснах, и начал собирать силу.

Печально качнув головой, Эко ударил снова. Его сжатый кулак потянулся к груди врага. Что-то пурпурное и живое шлепнулось на землю, вздрогнуло несколько раз и затихло. Гниющий Осколок выдохнул и рухнул лицом вперед.

Балфрусс встал на цыпочки, готовясь к новой атаке, однако, к его удивлению, враг отступил. Их Цепь рассеялась, и Осколки, как по сигналу, зашагали прочь. Балфрусс медленно расслабился и по одному освободил из Цепи собратьев. Когда все они вышли, маг почувствовал, будто уменьшился в размерах. Мир вокруг потерял ясность, словно глаза

затянуло пленой.

Когда чувства вернулись к нему, Балфрусс понял, что его одежда намокла от пота. Он пошатнулся и упал бы, не подхвати его чья-то сильная рука. Тот же человек осторожно усадил его на землю. Балфрусс хватал ртом воздух. Все тело дергало от боли, будто он сражался весь день, но, подняв глаза к небу, маг увидел, что солнце почти не сдвинулось с места. С тех пор как он вошел в Цепь, едва минул час.

Солдат предложил ему баклажку с водой, и Балфрусс сделал глубокий глоток. Чувства, которым он только сейчас дал ход, омывали его разум волнами. Идеи, что еще недавно приходили в голову без всяких усилий, теперь было сложно выразить. Он никак не мог осознать того, что видел в Цепи. Мысли расплывались.

— Ты цел? — спросил женский голос. Балфрусс не сразу его узнал.

— Еще минуту.

— Отдыхай сколько нужно, — сказала Элоиза. — Одного они потеряли, так что сегодня уже не вернутся.

— Что сделал Эко? Мне было не видно.

— Вырвал ему сердце.

— Остальных успели предупредить?

Элоиза опустила перед ним на колени, и по ее лицу Балфрусс все понял.

— Тяжеловооруженные зекорранцы прорвали линию фронта. За ними хлынули морринские берсерки. Нас отбросили к первому опорному пункту.

— Зачем все это было? В чем смысл? — с отчаянием спросил маг.

— Без нас началась бы настоящая бойня, — сказала Элоиза, помогая Балфруссу встать на ноги. Хотя голос ее был резок, она вздохнула и нежно коснулась его щеки. — Рано или поздно это случилось бы. Осада неизбежна. Все, что мы делаем до нее, — выжидательная тактика, не более.

— Ты права, — вздохнул он. — Мне просто не нравится быть игрушкой в их руках.

— Мне тоже, — фыркнула Элоиза.

Балфрусс бросил последний взгляд на ущелье. Увидят ли они его вновь?

Гундер, громко пыхтя, уселся за стол. Его помощник, Сабу, запер входную дверь, зажег две лампы и опустил бумажную шторку. Пока мальчик подметал пол, Гундер листал книгу счетов. Стул зловеще скрипел под его тушей. Когда все цифры сошлись, а деньги легли под замок, Гундер запер за собой дверь и заковылял к местной таверне под названием «Благословение Владыки».

Деревянную вывеску над входом недавно подкрасили, и белая мантия Пресветлого Владыки с подновленными золотыми краями сияла в темноте. Набожная жена трактирщика заказала из Шаэля особую краску — еще до войны. Теперь было не принято говорить об ужасах, которые постигли его народ. Пыточные лагеря, ямы, где разлагались сотни трупов, погребальные костры, такие огромные, что их черный дым заслонял небеса...

Учитывая, что на юге притаились свирепые ворги, а на севере — недовольные зекорранцы и моррины, ни у кого не поворачивался язык попрекать королеву Йерскании тем, что она вступила в альянс. Чтобы склонить ее к этому, не понадобились даже угрозы. Гундер не слышал, чтобы кто-то угрожал и драссийским наемникам. Почему те вошли в альянс, не знал никто, хотя он расспросил всех нужных людей.

Таверна была залита светом: по стенам висели фонари, и на каждом столе горела толстая белая свеча. Компания моряков и портовых грузчиков грелась у камина после тяжелого трудового дня под открытым небом. У входа выстроились в ряд грязные сапоги.

Примерно половину столов занимало пестрое сборище менял, разнорабочих и купцов. Большинство — коренастые йерсканцы из местных, но были здесь и наемники-драссийцы в масках, и смуглые черноглазые зекорранцы с севера.

У Гундера заурчало в животе от дразнящего рыбного запаха с кухни. Перицци стоял на побережье, а значит, в меню преобладали морские дары. Девушки в строгих нарядах разносили напитки под пристальным взором жены трактирщика. У каждой на голове был повязан платок, но по сравнению с пестротой, которую Гундер обычно видел на городских улицах (йерсканцы не славились скромностью), в таверне царила снежная белизна. Жене трактирщика было не по нраву, когда клиенты фамильярничают с ее прислугой. На крайний случай в углу сидел вышибала Мэссон, который для устрашения держал на коленях тяжелую дубинку.

В таверне было душно, однако для разговора с глазу на глаз она подходила как нельзя лучше.

— Сюда! — позвал Рамальяс, узколицый торговец коврами. Он был здесь не единственным моррином, потому и не выделялся. Хотя соотечественники Рамальяса славились дружелюбием, он рассказывал, что на родине все громче раздаются голоса религиозных фанатиков. В том числе и это заставило его перебраться в Йерсканию.

Гундер опустился на стул, кивнул Золлу, черноглазому зекорранскому ювелиру, и с жаром пожал руку Айелю, местному виноторговцу. Девушка принесла кружки местного черного эля и приняла заказ на горячее.

— Маленькую тарелочку рыбы, если можно, — сконфуженно сказал Гундер, похлопав себя по выпирающему животу. — Я пытаюсь сбросить вес. — Он промокнул вспотевшее лицо рукавом и поправил бархатную шапочку. Если кто и заметил, что его шевелюра съехала набок, то не подал виду.

Легко завязавшись, разговор неизбежно перешел к торговым делам.

— Жестокое наказание еретиков угодно Пресветлому Владыке, — сказал Золл, — но я не верю, что в Севелдроме все как один впали в грех. Я веду там дела со многими добрыми людьми. Зачистить целую страну — это слегка... через край.

Гундер молча поднял бровь. В их компании ювелир слыл самым набожным — и даже он считал войну избыточной мерой. Это вселяло надежду, что другие в Зекоррии могут разделять его чувства. Альянс заключили всего несколько месяцев назад, а, судя по некоторым признакам, он уже начал трещать по швам.

— Я не верю слухам о короле Севелдрома, — поддакнул Рамальяс. — Мне бы тоже хотелось, чтобы война поскорее закончилась.

— Правда? Почему? — спросил Гундер.

— Потому что она вредит торговле. Лучший шелк делают на востоке, правда? Покупатели платят двойную цену за такие ковры. Шаэльский шелк совсем не так хорош, сейчас на него нет спроса. А торговые пути к Севелдрому и Пустыне закрыты, вот и приходится тратить запасы. Если в скором времени их не удастся пополнить, лавка опустеет, а за ней и мой желудок.

— Война коснулась нас всех, — сказал Гундер. — Времена нынче тяжелые.

— Когда убьют кого-нибудь из твоей семьи, тогда и расскажешь про тяжелые времена, — возразил Айель, мрачно уставившись в кружку.

Другие придвинулись к нему и заговорили шепотом.

— Ты что-нибудь слышал? — спросил Рамальяс.

— Мой племянник служит во дворце. До него дошли кое-какие разговоры. В последние дни прибыли несколько посланников.

— Слухи? — Золл встревоженно погладил промасленные усы.

Айель кивнул.

— Подтверждаются. Ее Величество отклонила предложение короля Тэйкона.

Безумный Король никогда не предлагал — он приказывал. Его зекорранские прихлебатели утверждали, что каждый народ альянса сохранил независимость, но все знали правду. Западом правил Тэйкон. До сих пор его власть в Йерскании была ограничена, и Гундер намеревался сохранить это положение дел.

— На следующий день после ее отказа нашим воинам выпала честь вести атаку против армии Севелдрома. Они вступили в бой с неверными, однако вскоре поняли, что помогать им никто не собирается. Это повторилось и на другой день. Многие мои соотечественники погибли зазя.

Йерскания славилась не воинами — это был народ купцов, ремесленников и моряков. Они ковали оружие и доспехи для других, но сами на поле боя терялись. В мирное время маленькая йерсканская армия отгоняла разбойников от деревень и при крайней необходимости помогала Дозору, городской страже. Когда костяк войска отправили на передовую, город стал уязвим для внешних сил.

— Я потерял двух племянников и трех племянниц, — сказал Айель. — В ущелье до сих пор подсчитывают погибших. Говорят, четыре тысячи, а может, и пять.

Над столом повисла тяжелая тишина. Гундер снял шапочку, поправил парик и почтительно склонил голову. Они с минуту сидели молча.

— Ты знаешь, что было приказано королеве? — спросил наконец Гундер.

Айель кивнул.

— На второй день после бойни Тэйкон получил из дворца срочное послание. Вслед за этим вместо моих соотечественников на поле сражения отправились тяжеловооруженные зекорранцы и моррины.

— Да направит Всеблагая Мать их руку, — сказал Рамальяс скорее по привычке, чем от веры.

Все замолчали, переваривая новость и последствия, которые она могла возыметь.

До того как перебраться в Йерсканию, Гундер нечасто ел рыбу и морепродукты, однако здесь они составляли основу кухни и появлялись на столе хотя бы раз в день. Не желая привлекать внимание к своему иноземному происхождению, Гундер следовал в еде местным обычаям. Кое-что ему нравилось, но временами, устав от рыбы и курятины, он был готов убить ради сочного куска мяса. Хотя из Морриноу порой ввозили говядину, она не шла ни в какое сравнение с севелдромской. При нынешнем дефиците цены на мясо каждый день росли вдвое. Да, пряности оказались не лучшим вложением средств.

Его тарелка с копченой рыбой выглядела скромно по сравнению с остальными. Гундер жадно глотал кусок за куском и управился раньше всех, а теперь пожирал глазами сливовый торт на соседнем столе. Когда пришло время десерта, Гундер заказал фрукты в сахаре, остальные — сдобу и медовые пироги. Принесли еще эля, все ополовинили кружки, и беседа продолжилась.

— С севера доходят тревожные слухи, — сказал Гундер. Золл жестом попросил продолжать, и другие придвинули головы. — Мой друг в Зекоррии сообщает о разграбленных и сожженных храмах.

Все, кроме Золла, потрясенно уставились на него, зекорранец же прихлебывал эль как ни в чем не бывало. Гундер первый это заметил, однако дождался, пока обратят внимание остальные.

— Ты что-то знаешь? — спросил Айель.

— Пустое, — отмахнулся Золл. И продолжил, увидев тревогу на лицах: — Горстка языческих храмов, какой-то мелкий паршивый культ. Никто даже не пострадал.

— Кто отдал приказ? — не унимался Рамальяс.

— А ты как думаешь? — спросил Гундер. — И как скоро, по-твоему, ему придется не по вкусу церкви Создателя или храмы Всеблагой Матери?

— Он не посмеет! — выдохнул Рамальяс.

— До этого не дойдет, — заявил Золл, но даже его голос прозвучал неуверенно. Из дворца Тэйкона уже просочились слухи о том, что император убивает людей за один косой взгляд.

— Что ж, друзья, день был долгий, — сказал Гундер, поднимаясь на ноги и нахлобучивая бархатную шапочку. — До завтра.

Никуда не торопясь и наслаждаясь прохладным вечерним воздухом, он кружной дорогой пошел к дому. Столица Йерскании, средоточие торговых путей, во все времена славилась гостеприимством. Город часто называли Перекрестком Запада. До войны сюда съезжались гости со всего мира. Даже народы Пустыни с далекого востока присылали торговцев по Шелковому пути, пролегавшему за Севелдромом. В последнее время многое изменилось: и темнокожие восточные лица, и златокожие южане из Шаэля, и рослые севелдромцы, что прежде важно вышагивали по улицам в кожаных доспехах, — все исчезли.

С началом войны в Перицци остались гостить только смуглые зекорранцы, узколистые моррины и одетые в маски наемники-драссийцы, охранявшие купцов и аристократов. Кое-где

попадались синекожие ворги, но им старались не смотреть в глаза и всегда уступали дорогу.

Гундер повернул за угол, и на него, словно в ответ на его мысли, налетел ворга.

Высокий для своей расы — шести футов ростом, — он злобно уставился сверху вниз, занеся руку над эфесом кинжала размером с короткий меч. Впрочем, он это был или она, Гундер сказать затруднялся. Жилет и килт не позволяли с точностью определить пол, а свирепыми воинами у воров слыли и мужчины, и женщины. Сыроватая бледно-синяя кожа блестела в свете уличных фонарей.

— Ты что, ослеп, толстяк? — проскрежетал ворга.

Гундер, избегая смотреть в выпученные глаза, уставился на костные выступы по краям широкой челюсти. Ворга наклонился, оттопырил похожее на парус ухо и прошипел, обнажив ряд заостренных зубов:

— Что-то сказал, трус?

Гундер редко видел воргу так близко, но теперь понял, почему некоторые называли этот народ жаболицыми. На деле они больше напоминали рептилий, хотя и это сравнение им бы вряд ли понравилось. Ворги явились из-за моря и были детьми Нетуна, Повелителя океанов.

Прошипев на прощанье и раздраженно клацнув зубами, головорез унесся прочь. Гундер с облегчением выдохнул. Минуту спустя мимо него прошли два стражника Дозора — они на всякий случай следили за воргой с безопасного расстояния.

Гундер шел к дому зигзагами, чтобы запутать возможных преследователей. Река Калмеи делила Перицци на две половины. Их соединяли мосты: семь каменных исполинов и две дюжины пешеходных мостиков, по которым трое мужчин могли пройти плечом к плечу. Гундер торопливо перешел один из таких мостков, а затем еще несколько раз запутал следы.

Войдя в дом, он тут же насторожился. Воздух был до странности неподвижен, и что-то смутно давило на уши. Вытащив из потайного кармана в рукаве кинжал, Гундер скинул обувь и крадучись обошел все комнаты. Дойдя до кухни, он обнаружил там женщину с пышными рыжими волосами, которая сидела за столом и как ни в чем не бывало грызла яблоко.

— Ты опоздал.

Гундер выдохнул и сел напротив нее.

— Больше так не делай, Роза.

— Есть новости? — спросила женщина, отрезая еще один кусок яблока.

— Есть, — ответил он и рассказал все, что узнал о Тэйконе и королеве Йерскании. — Подозреваю, в ближайшие дни выйдет королевский указ.

— Известно, что именно он ей велел?

— Нет, но если городу грозит опасность, мы обязаны вмешаться. Отправь весточку нашим людям во дворце. Нужно заранее знать обо всех планах королевы. Ну, а ты что мне принесла?

— В основном слухи. Я слышала от нескольких источников о здоровье Тэйкона.

Гундер воздел глаза к потолку и изобразил молитву.

— Нет, мы не настолько удачливы. Не может быть, чтобы он умер.

— Увы. Он не только умеет залечивать раны, но, очевидно, и есть перестал. Слуги к тому же видели, как посетители приходят к нему в любое время дня и ночи, так что он, похоже, еще и не спит. Если Тэйкон работает круглые сутки, бреши в альянсе будут исчезать быстрее, чем мы их создаем.

Гундер выругался.

— Да, император проворнее, чем мы думали, — сказал он, поглаживая бороду. Из-за нее

лицо сильно зудело, зато с бородой и в гриме легче было сойти за безобидного увальня.

— Что от меня требуется? — спросила Роза.

— Чернокнижник распускает слухи о детстве Тэйкона, которые подходят под священные писания, — ответил Гундер. — Принцесса Таландра хочет, чтобы мы помогли появиться другим слухам. Ну, понимаешь... Что он не отбрасывает тени и не отражается в зеркалах. Что у него красные глаза. Выбирай по вкусу, только не увлекайся — пусть люди сами придумают подробности. Запусти сплетню и перешли ее всем, кто на нас работает.

На то, чтобы запустить сплетни, уйдет несколько дней, зато, пересказанные на сотню ладов, они изменятся до неузнаваемости. Скоро люди будут божиться, что их знакомые своими глазами видели, как Тэйкон пьет кровь и призывает темные силы с той стороны Завесы. Слухи быстро разойдутся по западу и станут неистребимы.

— Нужно время, — задумчиво сказала Роза.

— Я целиком полагаюсь на твое мнение. Действуй как можно скорее.

— Что будешь делать ты?

— Отправлю новости хозяйке.

— А после?

На лице Гундера появилась зловещая улыбка.

— А после мне приказано завести нового друга.

Остальные уже вошли в госпитальный шатер, только Варгус задержался на пороге и окинул взглядом просторное, заставленное койками помещение. На каждой лежал человек, раненый в сегодняшней битве.

Враг налетел со всей мощью, и в этот раз был хорошо подготовлен, одет в тяжелую броню и вооружен до зубов. Севелдромцы, не ожидавшие, что неприятель окажется так свиреп, понесли большие потери. Казалось, армию запада вела ненасытная ярость.

Ложь императора дала всходы. Тэйкон превратил своих подданных в религиозных фанатиков. У морринов, обезумевших то ли от наркотика, то ли от религиозного пыла, изо рта шла пена. Они верили, что сражаются за правое дело, и считали себя героями, очищающими от скверны страну, которую затем предстояло ввести в новую мирную эпоху. Бессмысленно убеждать их в обратном; Варгус знал, как они отнесутся к таким попыткам. Эта война не закончится скоро, и слова ее не остановят.

Враны в черных колпаках обходили тяжелораненых, сиделки ухаживали за остальными. Сестры милосердия говорили с умирающими, пели им колыбельные, обнимали и целовали, пока у тех не стекленели глаза и не останавливалось сердце. В четырех углах и на равных расстояниях вдоль стен стояли курильницы, но шатер все равно пропах кровью и дерьмом.

Справа от Варгуса человек начал хватать ртом воздух и звать маму. Сквозь повязку на его груди проступило свежее пятно. Умирающего крепко держала сестра милосердия. Еще несколько вдохов, и все было кончено. Сестра уложила тело на койку, скрестила руки на сердце, закрыла невидящие глаза и лишь затем утерла свое заплеванное кровью лицо. Высокая, зеленоглазая, с волнистыми рыжими волосами, она кого-то смутно напомнила Варгусу — кого-то из далекого прошлого.

— Тебе сейчас не мешает выпить, — сказал он.

Женщина ответила усталой улыбкой и, повернувшись к нему спиной, начала со спокойной деловитостью закутывать покойника в простыню. Его забрали двое носильщиков, но койка пустовала недолго: скоро на нее уложили другого умирающего, перепачканного в крови и моче.

— Ты что там застрял? — спросил Харго из дальнего конца шатра.

Варгус вздохнул полной грудью и тут же об этом пожалел: глотку продрал запах крови и смерти. Поодаль компания воинов собралась вокруг койки, на которой лежал разведчик Бенлор. Его правая нога кончалась тугой повязкой под самым коленом. Лицо, хоть и бледное, выглядело спокойным и умиротворенным. Рядом не было ни сестры милосердия, ни священника. Вместо них у койки стоял на коленях близнец Бенлора, Реннор. В отличие от брата, его лицо было искажено, словно он вобрал в себя всю его боль.

Остальные глядели хмуро, но все же благодарили судьбу, что это не они лежат с обрубком ноги на койке. Кто-то уставился в землю, не зная, куда деть глаза, — а может, просто пересчитывал пальцы и радовался, что цифры сошлись.

— Если кто из вас расплачется, я встану с постели и придушу его, — предупредил Бенлор. — Я ведь не умру, правда, Варгус?

— Нет, не умрешь, — ответил тот, присев на корточки возле койки. Он протянул Бенлору бутылку южного виски. — Вот, подумал, захочешь хлебнуть. От этого сразу полегчает.

— А, мое любимое, — сказал Бенлор, прижимая бутылку к груди.

— Хорошее пойло, — пробормотал Черный Том. — Дорогое.

— Ты-то откуда знаешь, Том? — спросил Орран, но тот лишь пожал плечами.

Бенлор прикрыл бутылку руками.

— Не надейтесь, что вам перепадет, пьянчуги.

— Не жадничай, — облизнул губы Радд. Он, как всегда, был голоден и томился жаждой. — У нас тонкий вкус.

— Радд, ты не отличишь вино от пива, если тебе глаза завязать.

— А какая разница? — спросил он у остальных. — И с того, и с другого пьянеешь.

Лохмач пожал плечами, не зная, что на это ответить.

— Так и живем, — сказал Бенлор брату, и тот выдавил улыбку.

— Виски не поможет ему отрастить новую ногу, — всхлипнул Реннор.

Повисла неловкая тишина. Черный Том хотел было сплюнуть, но передумал и, скорчив гримасу, сглотнул. Молчание нарушил Варгус.

— Есть и хорошая сторона, — сказал он близнецам. — Теперь вас хоть различить можно.

Реннор ошарашенно посмотрел на него и чуть не полез в драку, зато его брат от души расхохотался. По бледным щекам побежали слезы.

— Вот засранец... — пробормотал Реннор, все же улыбнувшись.

— Бен, мы сделали, что могли. Прости, что этого оказалось мало, — сказал Варгус.

Разведчик крепко сжал его руку и покачал головой.

— Не надо. Раньше, до того, как я тебя встретил и мы положили начало... — Он запнулся, подбирая подходящее слово.

— Если назовешь это культом, я тебе вторую ногу отрежу, — предупредил Варгус.

— Я имел в виду «братство». Годится?

— Пожалуй.

— Так вот, раньше я был обычным солдатом короля. Мы с ребятами из отряда дружили, однако такого между нами не было. Хотя я и потерял ногу, а все же стал богаче. — Он обвел взглядом всех вокруг и хотел что-то добавить, но не нашел слов. Да они были и не нужны. Харго и остальные его поняли.

Сиделка подошла проверить самочувствие Бенлора и нахмурилась при виде толпы.

— Обязательно здесь собираться?

— Это моя семья, — ответил Бенлор.

Сиделка обвела взглядом солдат, ни один из которых даже отдаленно не был похож на ее подопечного, и вскинула брови. Варгус понял намек.

— Ладно, Бен, отдыхай. Счастливой дороги домой.

Друзья потянулись к выходу, оставив Бенлора наедине с братом.

У самого порога Варгус почувствовал покалывание в затылке, словно за ним наблюдали. Он повернулся, ожидая встретить пару глаз, но вместо этого увидел десятки. С обеих сторон шатра на него смотрели раненые. Каждый воин, еще способный пошевелиться, поднял руку в салюте. Братья прощались.

* * *

Когда Балфрусс проснулся в своей палатке, уже стемнело. Он, наверное, проспал часов

восемь, но по-прежнему чувствовал себя разбитым и истощенным. Битва забрала много сил.

Балфрусс вылез наружу. Элоиза читала при свете костра, а Дариус бросал специи в котел, где булькало варево. От приятного запаха в животе заурчало.

— Ты как раз вовремя. — Дариус протянул ему плошку с рисом, щедро добавив рагу.

— Где остальные? — спросил Балфрусс, дуя на обжигающую еду.

— Спят или отдыхают. Ничего, скоро придут на запах.

— Он — не придет, — сказала Элоиза, со значением посмотрев на Балфрусса. Можно было не спрашивать, кого она имеет в виду.

— Дай человеку спокойно поесть, — укорил ее муж.

— Я поговорю с ним, — пообещал Балфрусс.

До конца трапезы об этом больше не вспоминали.

Скоро к костру подошел Эко, однако разговор с ним не клеился. Воспоминания Балфрусса и его друзей о приключениях на востоке мало значили для перволюда, хотя он и слушал с вежливым интересом. Эко не мог разделить их страсть к путешествиям: до недавнего времени он не покидал севера, где жило его племя. Балфрусс попробовал подойти с другой стороны.

— Расскажи мне что-нибудь о своем народе. Об их истории.

— Я мог бы вспомнить много легенд, — ответил Эко, собирая хлебной коркой остатки рагу. — О Плетельщике, Небесном Боге и Правой руке короля... Но все они — лишь отражения истины. Если хочешь больше узнать о моем народе, лучше сам к нам наведайся.

— Может, однажды и наведаюсь, — сказал Балфрусс с усмешкой. — Если выживем.

Эко наклонил голову набок и прищурил глаз.

— Думаю, так и будет. Скоро.

— Ты уверен?

— Я вижу больше, чем ты. — Эко улыбнулся до ушей, будто смешно пошутил. — Спасибо, — обратился он к Дариусу, — рагу было очень вкусное.

Еще раз улыбнувшись, перволюд отошел от костра и исчез во тьме.

Отговорок больше не осталось, и Балфрусс, расправив плечи, поднялся. После сна и еды он чувствовал себя намного лучше, но все равно не был уверен, что справится.

Найти Финна оказалось несложно. Балфрусс побрел на звон металла и наконец вышел к временной кузнице. Оружие и доспехи нуждались в ремонте, а в такой большой армии всегда не хватало рук. Новое оружие привозили из города на повозках, но дорога туда и обратно занимала целый день, а мешкать с починкой было нельзя.

Финн бил молотом по мечу. Лицо кузнеца блестело в отраженном свете печи, пот катился градом, рубаха липла к телу. Как ни странно, вид у него был совсем не усталый — даже наоборот. Ритмичные удары эхом разносились по округе, и на руках Финна играли мощные мышцы. Хотя он сосредоточил взгляд на металле, мысли его явно блуждали где-то далеко. Он словно не замечал, что творится вокруг. Ничего, кроме молота и наковальни, для него не существовало.

На первый взгляд, прочие кузнецы работали как обычно, и все же время от времени то один, то другой — когда им казалось, что их не видят, — украдкой бросали взгляды на Финна. Хоть он и знал свое дело в кузнице, другие в его присутствии вели себя беспокойно.

Наконец Финн отложил молот и повертел меч в руках, разглядывая его со всех сторон. Вскоре к нему подошел лысый человек с широченными, как нога обычного мужчины, руками. Он ничем не выделялся среди остальных кузнецов — только кожаные перчатки с

гравировкой в виде пары скрещенных серебряных молоточков указывали на высокое положение. Человек принял протянутый меч и быстро окинул его опытным взглядом.

— Хорошая работа.

— Еще? — спросил Финн.

Мастер печально покачал головой.

— Не сегодня. Приходи завтра, если хочешь, — добавил он, хотя, судя по тону, надеялся, что Финн не придет. Главный кузнец, конечно, был благодарен за лишнюю помощь, но остальные боялись работать бок о бок с боевым магом.

— Ничего, если я поработаю для себя? — спросил Финн.

— Как угодно, — ответил мастер и заковывал прочь.

Финн достал из кармана кусок какого-то материала, взял его щипцами и сунул в горнило.

— Есть время передохнуть? — спросил Балфрусс.

Финн поднял голову на голос и поднес к глазам ладонь, сиюсь разглядеть Балфрусса за пылающими огнями.

— Я уже поел. Она тебя зря послала.

— Я пришел не за этим.

— А за чем? — спросил он, вороша огонь.

— Поговорить о твоей силе.

— Я занят, — отрезал Финн.

— Что-то не похоже.

— Занят.

— Это не займет много времени.

Финн уставился на него.

— Ты так просто не уйдешь, да? — спросил он. Балфрусс покачал головой.

Они немного отошли от кузницы, прихлебывая по дороге воду из меха. Балфрусс пожалел, что не взял с собой ничего покрепче. Это облегчило бы разговор для обоих. Он все еще думал, с чего начать, когда Финн нарушил молчание:

— Так чего ты хочешь?

— Ты всегда такой откровенный?

Верзила пожал плечами.

— Не умею по-другому. Пришел поговорить о моем проклятье?

— О чем?

— О силе. Это ведь проклятье.

Балфрусс хотел засмеяться, но, увидев лицо кузнеца, передумал.

— Расскажи.

— Началось все года три назад с головных болей. До этого мне жилось хорошо. Все, чего ни захочу, само шло в руки. Мне еще тогда нужно было задуматься. Создатель не любит, когда люди слишком счастливы, — горько сказал Финн. — Местный священник был неплохой человек, но в книге Создателя много говорится о людских страданиях, и он, похоже, думал, что так и надо.

— Что произошло?

— Мы с двоюродным братом открыли в деревне кузницу. Дела шли в гору. В основном занимались починкой, но иногда и новые вещи ковали: косы, топоры, подковы. Потом я встретил девушку...

Финн замолчал и уставился в темноту. Заговорил он нескоро, и голос его стал хриплым.

— В первый раз я сбил с ног пьяницу. Он сам напросился. Никто и не понял, что случилось, все решили — спьяну упал. Все, кроме меня. В другой раз, когда я разозлился, несколько человек свалились с крыши. Я изо всех сил старался держать это в себе, но от этого было только хуже. Наконец правда вышла наружу. Я перед старейшиной чуть на коленях не ползал, но он все-таки отправил письмо в Красную башню. Через два месяца явился старик, чтобы меня испытать, и мне пришлось туда уехать.

— И долго тебя не было дома?

— Полгода.

Балфрусс покачал головой и свысока произнес:

— Всего-то?

— Оказалось — слишком долго, — ответил Финн. — Когда я вернулся, все было по-другому. В моем доме жили чужие люди. Двоюродный брат нашел другого напарника. А она... — Финн опять запнулся. — Это проклятье.

— Не обязательно.

— Я не хотел... Можешь из меня это выжечь? — спросил Финн с отчаянием в голосе. Он начал злиться — голубые мотыльки затанцевали между пальцами, собираясь в ладонях живым огнем. Финн сердито тряхнул головой, и магическое пламя исчезло.

— Этим даром можно управлять.

— Он опасный. Я чуть не убил тех, кто мне дорог. Я хочу от него избавиться. Ты мне поможешь?

— Только не так.

— Тогда какой от тебя прок?

Финн допил воду и вернулся к наковальне. Балфрусс понаблюдал, как он вымещает злобу на бесформенном куске металла, а затем побрел к своей палатке.

Услышав шаги, Элоиза с надеждой подняла взгляд, однако маг покачал головой. Дариус храпел в шатре, а Туле сидел у костра и доедал рагу. Он посмотрел на Балфрусса с сочувственной улыбкой.

«Нужно время», — сказал Туле.

Балфрусс кивнул — а что ему оставалось? Сейчас до Финна не достучаться, но он не бросит попыток. Кузнец отчасти был прав: он опасен и, если не научится управлять своей силой, может по чистой случайности убить их всех и многих других.

Тяготы дня взяли свое. Балфрусс чувствовал себя опустошенным. Скоро он уже спал, и сны его были наполнены картинами детства. Магу снилась разрушенная деревня, которую он не видел уже двадцать лет.

Армия отступила, и Таландра вместе со всеми переехала дальше на восток, в очередное чужое поместье. Хотя принцесса заняла свои комнаты только вчера, она уже до отказа набила их книгами и бумагами. Каждый вечер сюда переправлялись с гонцом десятки сообщений со всех голубятен столицы. Крошечные бумажки с зашифрованными посланиями усеяли стол в ее новом кабинете.

Таландра развернула последнее письмо от главы шпионской сети в Йерскании. Подручные Гундера, следуя ее указаниям, начали распространять слухи о Тэйконе и его чудесах. Мифология, которую строил вокруг себя император, покоилась на горах лжи, но до сих пор народы запада были слепы к ужасной правде. Возможно, отчаяние убедило их, что рядом ходит пророк, и они закрывали глаза на его безумие и извращение веры.

Отец принцессы обсуждал с генералами их недавнюю стратегию и то, как она повлияла на сегодняшний бой. Братья возвращались с передовой и к военному совету не успевали.

Балфрусс по настоянию короля присоединился к совету, чтобы изложить свой взгляд на ход войны с точки зрения мага. Все, включая Таландру, заметили его изможденный вид — а ведь война началась лишь несколько дней назад.

— Все идет превосходно, — сказал Граэгор. — Рвы и ловушки делают свое дело. Не зря мы их копали без разгибу. Если так пойдет и дальше, численный перевес врагу не поможет.

— Это ненадолго, — возразил Вулф. — Старые ловушки свое отработали, а выкопать новые мы не успеем.

— Все же польза от них была, наступление удалось замедлить, — примирительно сказал король, стараясь не раздражать Граэгора понапрасну.

До того как Таландра еще девочкой познакомилась с седым генералом, она и не думала, что человек может все время быть таким злым. В последние несколько дней Граэгор гневился даже чаще обычного. Вряд ли в этом была виновата война — на своем веку он видел и не такое, а значит, имелась другая причина, личная. Вот только личного — ни семьи, ни чего-то похожего на обычную жизнь — у Граэгора не было. Он всего себя отдал службе.

Принцесса отметила про себя: не забыть бы тактично расспросить отца, когда они в следующий раз останутся наедине.

Генерал-сквернослов потерял глазную повязку и отхлебнул эля. Как ни странно, до этого он не пил, хотя остальные уже прикладывались к кружкам. Граэгор был, как всегда, одет в черную броню. Таландра вдруг поняла, что никогда не видела его в другом облачении и без грозного топора на боку.

— Что ответили моррины? — спросил у нее король.

— В конце концов согласились. Севелдром стал им вторым домом, так что они готовы защищать его с оружием в руках. Отряд уже в пути и прибудет к утру. Завтра новолуние. Атака назначена на два часа пополудни.

Моррины прекрасно видели в темноте, так что из них вышли бы первоклассные убийцы и шпионы. К сожалению, большинство с презрением относилось к этим занятиям. Притворство и даже некоторые детские игры считались среди морринов едва ли не смертным грехом. Бродячие актеры никогда не забирались далеко на север, чтобы впустую не тратить время. Строгие церковные догматы, которые были частью морринской культуры, постепенно замещали собой законы страны. Пройдет еще несколько лет, и Морриноу

превратится в теократию, а судьбу народа будут решать религиозные вожди. Вот почему так трудно было найти хотя бы одного моррина, согласного порвать с вековой традицией и рискнуть всем ради будущей свободы. В то же время те, кто давно жил в Севелдроме, вполне могли согласиться напасть на обозы врага.

— Кто их поведет? — спросил король. Рядом с ним стояла кружка эля, однако он за все время едва смочил губы.

— Кулдарран, — отозвался Вэннок. — Он человек порядочный и никогда не теряет голову.

— Хорошо. Итак, — король набрал в грудь воздуха, — расскажите мне о потерях.

— Не такие серьезные, как мы ожидали, — ответил Граэгор. — Ловушки и тактика быстрых ударов почти не оставили врагу времени на атаки. Мы сдали назад, а разведчики обеспечили прикрытие. — Он кивком головы показал на Вулфа. Да уж, похвала хоть куда... Старый генерал явно был чем-то расстроен.

— На каждого убитого с нашей стороны приходится от трех до пяти врагов, — добавила Таландра. — Самые большие потери мы понесли, когда они прорвались через северный проход.

Все, кто был в комнате, знали: нынешняя тактика годится лишь для того, чтобы замедлить преследование. Как только оба войска отойдут на приличное расстояние от Рытвинных холмов с их неровными землями, придется дать открытый бой. Даже тогда им не избежать постепенного отступления, а затем начнется то, чего Таландра боялась больше всего.

— А что боевые маги? — обратился король к Балфруссу.

— Утомлены. Хотя один из Осколков убит, легче не стало.

— Почему? — спросил Граэгор. — Ведь вас теперь больше.

— Не все так просто.

— Что сложного?

— Одни боевые маги сильнее других, — объяснил Балфрусс. — То же касается и Осколков.

— Разве вы не сильнее, когда вместе? — все больше раздражался генерал.

— Граэгор! — одернул его король.

Балфрусс это стало надоедать.

— Разве я учу вас, как устраивать ловушки и куда направлять войска? — спросил он. Граэгор открыл было рот, но Балфрусс его перебил. — Вы понятия не имеете, как работает магия.

— День был долгий, — вмешался король. — А утром вас ждет обратная дорога. Спасибо, что явились на встречу.

Балфрусс пожал ему руку и под пристальным взглядом Граэгора вышел из комнаты.

— Какие настроения среди солдат? — продолжал Маттиас. Остальные генералы посмотрели на Вэннока, который почти все время проводил в лагере. Граэгор ни на шаг не отходил от короля, а Вулф нигде долго не задерживался и не знал, чем живут простые вояки.

— Когда мы потеряли северный проход, люди приуныли, но с тех пор воспрянули духом. Не припомню, чтобы солдаты так хорошо сражались. Даже странно, — с искренним удивлением сказал Вэннок.

— Ничего странного, — отозвался Граэгор. — Я не в первый раз вижу: солдаты сближаются, когда понимают, что между ними и Создателем никого, кроме однополчан, нет.

— Здесь что-то другое, — произнес Вэннок, закусив губу.

— Другое или нет, это работает, так что нечего воду толочь, — ответил Граэгор, опять выходя из себя.

— Тала, у тебя есть новости с запада? — спросил король.

Принцесса передала им последние донесения шпионов о перемене в здоровье Тэйкона.

— Есть еще более тревожные слухи. Горстка зекорранских фанатиков объединила свои религиозные пророчества с отколовшейся морринской сектой. Ничем не примечательный культ перерос в нечто большее.

— То есть? — спросил Граэгор.

— Тэйкон положил начало собственной религии.

— Яйца Создателя! — презрительно сплюнул старый генерал.

— Зачем ему это? — спросил Вэннок. — Моррины и зекорранцы никогда не променяют веру предков на новую религию.

— Он пытается укрепить свое положение. Чем прочнее связь между писанием о Пресветлом Владыке и сказками о Тэйконе, тем легче убедить людей, что он — долгожданный пророк. Фанатики чувствуют себя изгоями и отчаянно жаждут власти. Они собрались под знамена Тэйкона, потому что сейчас это самая могущественная сила на Западе.

— Он сумасшедший, — сказал Граэгор.

— Да, — согласилась Таландра, — и с каждым днем становится все менее предсказуемым.

— Но не менее опасным, — предупредил король. — Не забывайте, двуличие и звериная жестокость не помешали его отцу править Зекоррией тридцать лет.

— Мои шпионы делают все возможное, чтобы подорвать альянс изнутри, — продолжала Таландра. — Зекорранцы и моррины стали идолопоклонниками. Их религиозность может в кои-то веки оказать нам услугу. Наше лучшее оружие против Тэйкона — это правда. Мои люди из всех сил стараются помочь северянам ее увидеть. Среди них уже закипает недовольство, и мы втайне поддерживаем мятежников.

Король поднялся, остальные последовали его примеру.

— Мне надо поспать. Предлагаю и вам сделать то же самое. — Он со значением посмотрел на Таландру.

— Скоро, — пообещала она.

Остальные потянулись к выходу, но принцесса осталась на месте.

Спустя короткое время в кабинет вплыла Шанимель, ее самое доверенное лицо. Среди морринов шпионы встречались невероятно редко, и Шани, хотя она прожила в Севелдроме почти всю жизнь, понадобились годы, чтобы стряхнуть с себя гнет вековых традиций.

Ее и без того бледную кожу оттеняли пурпурные штаны и плащ новейшего покроя. Черные волосы были стянуты в конский хвост, обнажая изгиб шеи и слегка заостренные уши. Рожки, чуть крупнее запонок, прятались под прической.

— Вы хотели меня видеть?

— Да, садись, пожалуйста, — пригласила Таландра.

Шани оглянулась на открытую дверь, где маячили два охранника. Они будут сопровождать принцессу до самых королевских покоев и только там оставят одну.

Таландра вкратце пересказала новости о новой религии Тэйкона. Шани не отличалась набожностью, однако известия явно ее встревожили. Хотя Севелдром давно стал ей домом,

она по-прежнему принимала близко к сердцу дела родного народа.

— Полагаю, вы хотите принять меры к низвержению этого культа? — спросила Шани.

— Да, и, сдается мне, меры нужны чрезвычайные. Жечь старые храмы какого-то забытого бога — это одно. Историки и горстка верующих поплачут, но остальные не станут вмешиваться.

Шани подняла бровь.

— Насколько чрезвычайные?

— Пошли весточку Гундеру. Пусть сожжет церковь Создателя в Перицци.

Шани потрясенно уставилась на нее. Другие религии появлялись и исчезали в пыли веков, но Создателю поклонялись во все времена, о каких только знали историки. Таландра обдумывала разные варианты, однако ни один не произвел бы на людей подобного впечатления. Столица Йерскании должна была любой ценой сохранить независимость.

К Шани наконец вернулся дар речи.

— Это будет непросто.

Принцесса фыркнула.

— Гундер и его люди что-нибудь придумают. Есть еще кое-что. В Перицци направляется первосвященник Филбин.

Главный пастырь Церкви Святого Света, один из самых влиятельных мерзавцев Зекоррии, стоял во главе разветвленной сети священников, которой управлял, как собственной армией. Те, кто не сходил с ним во взглядах, имели обыкновение исчезать или становиться жертвой несчастного случая. Таландра давно и пристально следила за его восхождением к власти.

— Он не нашел другого времени для паломничества, чем самый разгар войны? — спросила Шани. — Вряд ли он несет хорошие новости.

— Я тоже так думаю, — согласилась Таландра. — Но мы можем обратить это себе на пользу. В Зекоррии его окружают толпы сторонников, там до него не добраться.

— Вы же не хотите...

— Нет, хотя и думала об этом, — призналась Таландра. Она села за стол и набросала Гундеру шифрованное послание.

— Филбин не из тех, кого можно подкупить, запугать или заставить силой, — сказала Шани. — Чем вы его возьмете?

— Правдой, — широко улыбнулась Таландра. — Правда — наше лучшее оружие, чтобы напомнить ему, кто он такой и как сильно его народ сбился с пути.

Судя по лицу, Шани это не убедило, но Таландра знала, что в глубине души помощница ей доверяет. Та взяла записку и опять оглянулась на дверь.

— На сегодня все? — спросила Шани, поднимая бровь.

Таландра откашлялась. Их могли подслушать, поэтому приходилось быть осторожной.

— Да. Уже поздно, а мне еще нужно кое с кем встретиться.

— Значит, до завтра.

Таландра кивнула стражникам, чтобы те пропустили Шани, а оставшись одна, зевнула так, что хрустнула челюсть и из глаз брызнули слезы. В таком виде ее и застал Балфрусс.

— Может, лучше поговорить завтра утром, перед моим отъездом? — предложил он с порога. — У вас усталый вид, Ваше Высочество.

— Нет, все хорошо. Заходите.

Таландра поднялась и пожала его крепкую мозолистую руку. Принцесса никогда не

видела Балфрусса с мечом, но, увидев, не удивилась бы. Широкоплечий и сильный, как все севелдромцы, маг напоминал ее братьев. Рядом с Хирамом и Тиасом Таландра — хотя и высокая, но совсем не такая пышная, как ей хотелось, — чувствовала себя чужачкой. Они были черноглазы и темноволосы, а ей от покойницы-матери достались светлые локоны, темно-голубой взгляд и бледная кожа. Из фамильных черт принцесса унаследовала лишь крючковатый нос и улыбку, да и та теперь появлялась все реже. В последние недели им всем было не до смеха.

— Простите за Граэгора, с ним бывает непросто, — сказала Таландра.

— Это мягко сказано, — отозвался Балфрусс.

— Выпьете эля? — предложила принцесса.

— Нет, спасибо, Ваше Высочество.

— Можно без церемоний, мы одни. Называйте меня по имени. — Она показала ему на стул.

— Спасибо. — Балфрусс устроился поудобнее. — Вы хотели меня о чем-то спросить?

Таландра кивнула и налила себе выпить, чтобы выиграть время и как следует рассмотреть мага. Вэннок немного рассказал ей об их общем прошлом, но это были по большей части истории из детства. В восемь лет Балфрусс покинул деревню и поступил в Красную башню. После этого они с Вэнноком встречались от силы трижды в год, а когда Балфрусс выучился — и вовсе раз в несколько лет, в столице. Боевые маги всегда шли нарасхват, особенно в тех странах, где своих не было, например в Морриноу. Балфрусс образован и хорошо воспитан, прирожденный вожак, за которым другие шли без раздумий. О том, как он прикончил в ущелье гигантское чудовище, уже ходили легенды. Слава его росла.

Зная все это, Таландра все же не могла отделаться от мысли, будто упустила нечто важное. Да и Вэннок, похоже, знал больше, чем ей рассказал. Возможно, тут был замешан чужой секрет.

— Я хотела спросить вас о пророчестве Опсума.

Балфрусс прыснул со смеху.

— Подтирка для задницы, — сказал он, не сразу вспомнив, с кем разговаривает. — Прошу прощения, Ваше Высочество. Это очень болезненная тема. Пророчество принесло много бед. Я даже представить не могу, сколько жизней оно унесло.

— Что вы о нем знаете?

— Я могу прочитать его по памяти. Коротко говоря, оно повествует о ребенке-маге, который изменит мир на века. Но — прошу меня извинить — что вы сами знаете об оракулах?

Таландра задумчиво потерла подбородок.

— Я читала, что они боевые маги или были магами прежде.

— Вы их когда-нибудь видели? — спросил Балфрусс. Таландра покачала головой. — Это полоумные, которые дни напролет пускают слюни и ходят под себя. Они живут в нищете и собственных нечистотах, хуже любого зверя. В голове у них пусто, а в бесконечной болтовне нет ни капли смысла.

— Это правда?

Балфрусс усмехнулся.

— Они не провидцы, а сумасшедшие, которые не рассчитали силы и выжгли себе мозги. Кто-то верит, что благодаря этому они открыты для божественных откровений.

— А вы не верите?

Лицо Балфрусса помрачнело.

— Вам известно, почему его называют пророчеством Опсума? — Он едва дождался, пока принцесса помотает головой. — Потому что первый месяц оракул произносил только это слово. Никто не знает, что оно означает — имя несчастного или просто набор букв.

[Купить полную версию книги](#)